

М.Красовская, Н.Кроноцкая

КОЛЮЧЕЕ СЧАСТЬЕ ДЛЯ ДРАКОНА,
или
ИНКВИЗИЦИИ ТРЕБУЕТСЯ ЦВЕТОВОД

Марианна Красовская

**Колючее счастье для дракона, или
Инквизиции требуется цветовод**

«Автор»

2023

Красовская М.

Колючее счастье для дракона, или Инквизиции требуется цветовод
/ М. Красовская — «Автор», 2023

После тяжелого развода Соня и ее дочь прячутся в санатории, где неожиданно знакомятся... кажется, с добрым волшебником. Только волшебники помогают испуганным девочкам в безвыходных ситуациях. А когда чья-то злая рука забрасывает девочек в другой мир, их снова спасают. Добрый волшебник? Если внимательно присмотреться - не очень-то он и добрый! Дракон, инквизитор и весьма строгий мужчина. Свободна вакансия главной садовницы? Соня справится, другого выхода у них нет. Наверное. Ей ведь только дракона в жизни и не хватало!

Содержание

4. Зимняя сказка	13
5. Сквозь мороз и снег	17
6. Без елки и бенгальских огней	21
7. Добрый волшебник	25
8. Кулинарная магия	29
9. Борис	35
10. Кукла Катя	39
11. Бойся своих желаний	43
12. Абонент недоступен	46
1	50
14. Ихтиозавр	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Марианна Красовская, Нани Кроноцкая

Колючее счастье для дракона, или Инквизиции требуется цветовод

1. Пролог

Окна в комнате насквозь промерзли. Корпуса старенького заводского санатория-профилактория строились еще в советские времена, и следы той эпохи – деревянные оконные рамы, окрашенные белой масляной краской двери и дощатые полы – так и остались нетронуты злой рукой времени. Толстый слой льда разрисовал стекла причудливыми витиеватыми узорами.

Соня говорила: это Дед Мороз приложил к ним свою кисть. Серьезная Леся строго хмурила брови и читала лекцию про высокую влажность, дендриты и трихиты. Соня кивала и делала вид, что согласна.

Последние декабрьские метели принесли море снега, завалив санаторий “Сосновый” по самую маковку административного корпуса. Никуда не проехать и без широкой снеговой лопаты двух лишних шагов не пройти.

В прямом смысле слова безвыходное положение.

Автобус приезжал сюда три раза в неделю, а маленький грузовичок, привозивший провизию для столовой, и того реже. Мобильная связь “прорезается” только возле далекого третьего медицинского корпуса, а свободный вай-фай раздается очень немногим желающим строго на час и в “компьютерном” кабинете. Потому что приехал лечиться и отдыхать – будь добр вылечись и отдохни. Никаких телефонов, планшетов и всяких ноутбуков. То есть надежды на связь с внешним миром у них тоже не было.

Соню вообще все устраивало. Отсутствие всех этих связей ее успокаивало. Можно было представить себе, что злой мир там вовсе весь сгинул, заваленный зимним снегом. И Борис тоже затерялся в метелях, и родители, которые, конечно, хотели как лучше, но вышло как вышло. И Ольга Юрьевна, куратор выставки, которой Соня так и не рискнула позвонить, малодушно отправив коротенькое СМС.

Леся снова сердилась. Ей было отчаянно скучно. Не спасало даже то, что в “Сосновом” была настоящая библиотека с бумажными книгами. Соня сводила туда дочь, с удовольствием взяла “Таинственный остров” Жюль Верна и выслушала очередную тихую, но от этого еще более изматывающую Лесину истерику. С точки зрения этой маленькой злочки, практически все книги, стоявшие на старых полках, могли интерес представлять лишь для законченных олигофренов в стадии клинически неизлечимой дебильности (это она про популярный мас-слит, очевидно). От вида обложек книг в жанре любовных романов, современной фантастики или того хуже фэнтези девочка выразительно морщила носик и громко шипела. И все это продолжалось до тех самых пор, пока дочь не выпросила у главного терапевта всего санатория толстенный и раритетный “Справочник участкового педиатра. Инфекционные заболевания у детей раннего возраста”.

Теперь вот Соня читает Жюль Верна, а Леся углубляется в клинические характеристики детских болезней.

Наверное, потом захочет стать врачом. Раньше стремилась в геологи, еще раньше мечтала стать химиком-аналитиком. Смешная!

– Мамочка, ну давай хоть на интеллектуальную игру после ужина сходим, – Леся недовольно покосилась на молча разглядывавшую замерзшее окно свою бестолковую мать. Соня держала в руках блокнот и карандаш, но белый лист был девственно чист, как слой льда на окне или как лежавшие за ним заснеженные улочки санатория.

– Лесенька, там одни бабушки соберутся, – меланхолично отозвалась Соня, даже не пошевелившись. – Скучно и грустно.

– Не скучнее, чем все время сидеть в этом номере, – Леся была сурова и справедлива. – Тебе надо общаться со взрослыми людьми, а не только с ребенком неполных шести лет от рождения.

Соня пожала плечами. Она всегда считала себя интровертом, а после развода ушла в себя окончательно. Видеть никого не хотелось, люди ей казались раздражающими, непредсказуемыми и опасными. Общества дочери и своих ночных кошмаров ей было достаточно.

Даже изоляции в заснеженном санатории ей было мало. Жизнь по режиму, регулярное питание и неперенные прогулки в любую погоду, так как их жилой корпус находился в самом лесу, дальше всего от столовой, облегчения не приносили. Хочешь не хочешь, а выползешь из своего логова.

Нет, если бы не дочь, Соня бы могла питаться раз в день. Но Леся перед завтраком ныла, перед обедом ныла, а ужин – вообще дело святое, после него в актовом зале (по соседству со столовой) устраивали всякие дурацкие праздники, вроде танцевальных вечеров “кому за...”, конкурсов караоке или Поля Чудес, где маленькая, но очень умная девочка всегда побеждала. Призами были абонемент в бассейн, поездка на снегоходе по зимнему лесу и куча конфет всяких видов. В бассейн Соня дочь не пустила – она быстро простужалась, а во всех корпусах немилосердно сквозило из окон, конфеты ее ребенок не любил и щедро раздавал бабушкам и персоналу, а в лес на снегоходе съездили, конечно. Понравилось очень, хотя ноги зверски замерзли.

Сегодня Лесю снова потянуло на приключения. Что ж, если ей того хочется... Она все же ребенок. Пусть фантастический умный и не по годам быстро взрослеющий.

2. Санаторий “Сосновый”

Несмотря на заманчивое название санатория, сосны вокруг корпусов стояли редкими группами и лишь у самого въезда. Зато вековых елей, пушистых и загадочных, в зимнем снегу так похожих на сказочные башни каких-то волшебных миров, было достаточно. Кокетливые рябинки, все еще горделиво украшенные красными гроздьями ягод, на их фоне казались чем-то действительно сказочным.

А еще в угоду многочисленным зимним праздникам, молодые деревья у корпусов были обмотаны гирляндами, так что вечером идти по замеченным снегом дорожкам было даже приятно. Все сверкало, переливалось, мигало и сияло. Дорожка была словно раскрашена в синий, желтый, розовый и зеленый.

Днем на кормушки у входа прилетали хохлатые свиристели, чинно рассаживались на ветвях и ругались с яркими снегирями, сияющими на снегу, как рубины, оправленные в серебро.

Художница где-то в глубине Сони, затаив дыхание, тянулась к скетчбуку, нащупывала мысленно карандаш, представляя себе акценты и композицию: вертикали угольно-черных стволов на дымчато-белом фоне зимнего леса, пики заснеженных елей, драгоценные кабошоны рубиновых снегирей, но... не вышло. Не помог даже Лесин блокнотик и простой карандаш, вероломно украденный из игровой комнаты.

Она так и не смогла себя заставить нанести хотя бы одну линию на бумагу. Даже штрих. Даже наметить границы сюжета. Никак.

Приходилось признаться себе: Сонечка выгорела. Наверное, Борис был бы счастлив. Ему никогда не нравились никчемные увлечения глупой жены.

На ужин девочки пришли раньше всех – Леся, невзирая на свою внешнюю серьезность и взрослость, ребенком была очень общительным и подвижным. Ей не терпелось ворваться в толпу, лучше – с хлопушками и фейерверками.

В этот раз народу было много, похоже, приехали новые люди. Все верно: уже двадцать восьмое декабря, скоро грядет главный праздник страны и длинные зимние каникулы. Соня

посмеивалась мысленно: спиртное на территории “Соснового” купить было нельзя. Люди, наверное, все большие китайские фейерверки, шампанское, а может быть что и покрепче, тащили с собой.

В санаторной столовой сегодня ее ждала крайне неприятная неожиданность: закрепленный за ними маленький столик в углу у большого квадратного столба был нагло занят. И ладно бы, там сидела бабка какая с великовозрастным квелым внуком или женщина беременная, каких тут было немало. Так нет же! На стуле сидел крупный мужчина, вполне еще молодой и, наверное, для остальных привлекательный. Он очень пристально разглядывал огромный стенд над раздаточной лентой столовой, на котором мелом было криво выведено меню. Особая гордость дирекции санатория, между прочим.

Если бы Соне в последние десять лет категорически не запрещалось смотреть на мужчин всех размеров, возрастов и комплекций, она бы, наверное, отнеслась к захвату ее территории немного спокойней. Но теперь, после стольких лет крепкого брака, каждый половозрелый самец, сиречь мужчина, вызывал в ней волну тихого ужаса. То есть совершенно не нравился. Хватило ей опыта, явно достаточно. Больше не нужно, спасибо. Зато невозможная Леся, комплексом деликатности не обремененная совершенно, с восторгом рванула вперед.

– Привет, – зашебетала она, занимая свое место. – Меня Олесия зовут. Я здесь с мамой отдыхаю. А ты кто? А в каком ты корпусе? А от чего ты тут лежишься?

Мужчина отвернул от меню крупный нос, углом рельефности смело дающий фору венецианским мостам всем и разом, и вежливо улыбнулся.

– Приветствую, маленькая любопытная леди. Я... Эндрис. – Он поднял взгляд на Соню, чуть поморщился и добавил: – Прячусь тут от работы. Отличное место, как думаешь?

Латыш, наверное. Или кто там живет еще в этой Прибалтике... Вон, пепельно-светлый блондин, кажется, даже натуральный. Стоило сразу догадаться, что иностранец. Во-первых, наши мужики в одиночку по санаториям не ездят, только с семьей. А чаще всего вообще не ездят. В “Сосновом” жили в основном бабушки с внуками или женщины с выводком малышни.

А во-вторых, русские мужчины чужих детей обычно не любят, боятся и стараются избегать всеми силами. А этот ничего так, спокойный. Никаких вам брюзгливых “Уберите ребенка!” или заигрывающе-растерянных сюсюканий. Нет, с Лесей он разговаривал, как со взрослой. Только поправил очки в тонкой серебристой оправе. Под цвет своих глаз. И волос. И вообще этот Эндрис был весь какой-то серебряный, будто сияющий матовым блеском благородного металла. Упс. Кажется, Соня пялится на мужика.

Быстро отвела глаза, схватив салфетку и принявшись протирать столовые приборы.

Леся, в отличие от матери, понятия не имела, что такое смущение.

– Тут скучно, – доверительно поведала она новому знакомому. – В библиотеке читать совершенно нечего. Там только всякое фэнтези про драконов и попаданок. И романы любовные, представляете?

Он удивился. Развернулся к ребенку, рассматривая Лесю пристально, как явление неизвестной природы.

– И много ты книг прочитала уже? Эм... я, очевидно, привык к неким штампам. Дети в твоём возрасте обычно... Кхм. Ну да. Нынешний книжный ширпотреб – это скучно, согласен.

– Мне целых пять с половиной! – возмутилась Леся. – Даже пять и восемь месяцев! Что же, сказки читать теперь? Я в них не верю.

– Так быстро? А как же, прости за банальность, старый добрый Дедуля Мороз со своей Снегурочкой? – мужчина был совершенно серьезен. В его голосе не звучало даже тени иронии. Только кончик носа отчетливо побледнел почему-то. Наверное, надоели они ему с Лесей.

Соня открыла было рот, попытавшись вмешаться, но в ответ получила дозу мужского взгляда, стремительно темнеющего, уже практически даже свинцового, как пулю прямо промеж глаз. И смутившись, утихла. Да пусть сам разбирается, ежели так.

Несмотря на все свои выдающиеся способности и официальный диагноз, в смысле звание “вундеркинда”, Леся в некоторых вопросах была сущим ребенком. Правила приличия она успешно игнорировала, особенно в те моменты, когда это ей было выгодно. Соня строго поглядела на дочь, но та даже не повернула к ней голову, полностью увлеченная новым знакомым.

– Эндрис, а вы любите гречку? – вкрадчиво спросила девочка. – Мама говорит, что она полезная, но ведь фу-у-у! Хотя да, я согласна, там всякие микроэлементы, витамины, фолиевая кислота, кальций там, магний... Но ведь в жевательных мишках-витаминах это гораздо вкуснее.

Собеседник опять удивился. На этот раз тем, как лихо малышка ушла от прямого вопроса, переведя стрелки со сказок на гречку. Бесценная, между прочим, манера, особенно на грубом поле научных дискуссий.

– Гречку... – он вдруг задумался, о чем-то вспоминая. – Точно! Позавтракать я и забыл! И поужинать тоже, вчера. Знаешь, когда много работы, как-то совсем не до вкусов. Хоть гречка, хоть мишки, хоть кошки. Я и не помню совсем, что люблю, – сказав эти слова, мужчина зачем-то посмотрел пристально на саму Соню. Очень пристально.

– Уже снова ужин вообще-то, – сочла своим долгом сообщить ему Соня в ответ на все это.

– Да? – он искренне удивился и зачем-то взглянул на часы. – Значит, и пообедать забыл. А вы почему себе ничего не берете? Тоже гречку не любите?

– Терпеть не могу еще с детского сада, – призналась Соня чуть удивленно. Кажется, этот латыш вообще был первым, кто спрашивал ее о том, что она любит или не любит. Родители обычно ставили перед фактом, а Борис... воспоминание о бывшем (совсем недавно) муже испортило все настроение, и она с досадой буркнула: – Видите, тут на выбор гречка или твоя рожная запеканка. Будем брать запеканку, немножко народ разойдется, и сразу возьмем.

– Лучше б картошку-фри давали, – скривилась Леся. – Или карбонару, ну, как ты в кафе заказываешь мне обычно, мама. Даже не знаю, что хуже: гречка или запеканка. О! Хуже всего – твоя рыба в омлете!

На этой, безусловно, позитивнейшей ноте, (а Соня рыбу обожала всякую в любом виде) их собеседник снова взглянул на часы и как-то тоскливо сказал:

– Кафе. Я был там в последний раз... – бросил взгляд быстрый на Соню и оборвал сам себя. – Не помню даже когда. Кажется, я заработался. И голоден. Вы не будете против, если я заберу свою гречку и запеканку в придачу и буду есть это с большим аппетитом. Не очень смутит?

– Вы лопнете, – пообещала Леся. – Но вообще, можно выбрать что-то одно. Берите гречку, а запеканку я вам свою отдам. Все равно есть не буду.

– Леся! – побагровела вконец смущенная Соня. – Ты...

– Мам, мы здесь уже две недели, и я ни разу не ела эту запеканку, а в тебя две не влезает, максимум полторы, а потом ты жалуешься, что объелась, и...

– Так, – Сониному терпению пришел конец. – Закончили дискуссию. Я пошла заберу наш ужин. И ты съешь... свою булку с маслом. И грушу. И чай молча выпьешь. Пожалуйста.

Соне повезло: дочь сегодня была в благодушном настроении. Новый и такой интересный знакомый, интеллектуальная игра после ужина, приближающийся неумолимо Новый год – все это ее радовало, вдохновляло и заставляло забывать о привычных капризах.

Народу на раздаче действительно поубавилось, и Соня быстро вернулась с подносом, на котором компактно уместился их ужин. Эндрис уже даже выставил все тарелки на стол и, дождавшись, зачем-то собрал все подносы в единую стопку.

– Ешь, и будет все, как договаривались, – Сонечка взглянула на дочку, старательно делая строгий вид.

Та в ответ царственно кивнула и ухватила с поставленной на стол тарелочки две теплые еще булки, посыпанные сахаром.

Мужчина напротив молчал, лишь глазами поблескивал весело, наблюдая за ними. О чем думал? Осуждал Соню, наверное.

Голодным этот ребенок точно не останется, ну и что с того, что она не ест гречку, творог и рыбу? Кто из детей это ест вообще? Ну, Соня ела, но у нее выбора не было. У ее матери разве забалуешь? Впрочем, даже бабушка Таня не могла противостоять маленькому тирану по имени Леся и готовила внученьке только то, что это маленькое чудовище так любила.

Есть в присутствии почти незнакомца было тревожно и неловко. Пришлось вспомнить, как правильно держать вилку, сахар в чай Соня и вовсе не решилась добавить, чтобы не звякать ложечкой (Бориса и его маму всегда это страшно бесило). Кусок в горло не лез. Дочь была права: две порции запеканки Соне никогда не осилить.

– Эндрис, если вы хотите... если не против... Вы говорили, что голодны, – спотыкаясь, начала было Соня, а Леся, красноречиво закатив глаза, подвинула свою нетронутую тарелку с запеканкой мужчине.

– Обедать за столом женщин и детей дело, конечно... кхм, кхм... невиданное для сказочных рыцарей. Но мы в сказки не верим, правда же, прекрасная Леся? С признательностью приму и буду считать себя вашим должником. Эм-м-м... назовем это “долгом столовым”.

Мужчина, расправившийся как раз с порцией булочек, широко улыбнулся и не испытывая ни малейшего смущения, быстро доел эту несчастнейшую из запеканок. А потом закусил пресловутой гречкой с мясной подливой. Ел он очень аккуратно, даже элегантно, но так аппетитно, что Соня спустя уже пару минут сама готова была есть эту чертову гречку. Ему надо в рекламах сниматься.

И губы такие красивые, и зубы... ровные и ослепительно-белые. Но самое интересное – это профиль. Такой... хищный, почти орлиный. Нарисовать бы его одной линией, а потом на монетах чеканить. Выдающийся просто профиль, еще и переносица горделиво-высокая, как у древних римлян. Опять она его снова разглядывает совершенно беззастенчиво!

– Лесенька, ты доела? – бежать, срочно бежать! Пока он не подумал о чем-нибудь неприличном. – Там ведь игра, помнишь?

– Угумс, – девочка быстро запихнула в рот остаток булки, громко хлюпнула чаем (Соню аж передернуло), вытерла рот салфеткой и вскочила. – Быстрее, нам надо занять лучшие места. Пока, Эндрис, встретимся за завтраком!

Вот и славно. Прощайте, господин латыш, завтра вас уже пересадят за другой столик, это Соня знала точно.

– Обязательно. Я позабочусь, – прозвучало им вслед. Или ей показалось?

3. Интеллектуалы

Актный зал санатория оказался до боли похож на подобный же в старой Сониной школе: те же ряды мягких “театральных” кресел, обитых потертой коричневой тканью, сцена, занавес и даже подобие рампы. На сцене стоит маркерная доска, унылого возраста и средней упитанности ведущий в неизменной клетчатой рубашке, что перебирает листочки и сортирует конфеты. Увидев Лесю, он сначала весьма нервно вздрагивает, а потом расплывается в насквозь фальшивой улыбке.

– А вот и наш вундеркинд! – интересно, а он догадывается, что попал прямо в точку? – Сегодня у нас в качестве приза катание на санях.

– Здорово, я с радостью покатаюсь, – соглашается Леся, а Соня отворачивается, пряча явно неуместный смех. Ни Леся, ни ведущий уже не сомневаются, кто будет победителем.

Леся занимает свое излюбленное местечко – возле прохода во втором ряду – и громким шепотом требует у мамы телефон.

– Тут сигнала нет, – напоминает тихо Соня.

– А мне и не надо. Я книгу нафоткала, буду читать.

Ох, уж эти дети нынешнего века! Соне и в голову бы не пришел подобный расклад, ей всегда проще взять с собой книгу. А Леся, как обычно, придумала бесхитростное и рациональное решение.

Потихонечку подползали разномастные бабушки с внуками и внуками, неодобрительно поджимая губы и косясь на Леся. Глубоко беременная дама помахала им рукой и расплылась в кресле, кажется, задремав. Соня ее помнила еще с релакс-сеансов, которые ей прописала терапевт. Дурацкое времяпрепровождение: в маленькой комнате с десяток кресел-мешков, играет механическая монотонная музыка, а по телевизору показывают аквариум с плавающими рыбками. Соня побывала на сеансе один раз, у нее разболелась голова от нахлынувшего колющего раздражения. Убогие аляповатые рыбы, подвывающая уныло скрипучая музыка, даже не Бетховен и не Чайковский, тупые мешки, из которых выбраться можно только на четвереньках. Да еще сладко похрапывающие женщины вокруг. В общем, ей не зашло. Жюль Верн и то успокаивал куда релаксabelнее.

Зал заполнялся людьми. Что особенно Соню порадовало, так это полное отсутствие всех мужчин старше тринадцати лет. Кроме ведущего, что понятно.

Первый тур «интеллектуальной игры» был посвящен географии. Разумеется, Леся erroneously назвала столицы Мадагаскара (как она слово-то выговорила такое: Антананариву), а также Шри-Ланки (это было еще даже круче: Шри-Джаяварденепура-Котте) и Австралии (какая-то простенькая Канберра), и совершенно точно указала общую численность населения Ватикана. Ничего нового. Самое смешное, что никто не посмел бы обвинить маленькую гениальную девочку в жульничестве: мобильной связи и, стало быть, интернета тут не было ни у кого. Все, так сказать, в одной лодке.

Услышав, что во втором туре будет викторина по ономастике, Леся вдруг заскучала. Эта наука ее не интересовала совершенно. «Никакой информации, сплошные мозговтирательства».

Зато Сонечка оживилась: эту тему она знала неплохо. Строго говоря, вопросы были по антропонимике, но ведущий, кажется, и слова такого не знал. Собственная фамилия Сони была проста словно валенок: родители у нее были Ореховы. Фамилия мужа ничуть не сложнее – он Кошкин. Соню теперь она бесила до судорог и зубовного скрежета: а уж Олесия Кошкина... (на этом имени настояла свекровь, Альбина Виленовна Кошкина, между прочим). Даже на слух это словосочетание звучало свистяще и вообще отвратительно. В ближайших планах стояла задача стать снова обратно Ореховыми и тихонечко поменять документы, благо не так уж их было и много, лишь паспорт и свидетельство о рождении Леси. В заявлении о разводе Соня такую пометку сделала сразу, оставалось лишь взять себя в руки и выйти на тропу кровопролитной войны с бюрократией. А вот с этим у Сонечки пока были проблемы. К тому же, ей и представить было страшно, какую истерику устроит Борис Кошкин.

В этот раз на вопросы коварные викторины отвечала Соня – настал час ее триумфа. Вожделенная поездка на санях становилась все ближе.

– И последний самый сложный вопрос, – объявил ведущий. – От какого слова произошла фамилия «Есенин»

– От слова «осень», – с тяжким вздохом ответила разочарованная Соня. Она ожидала чего-то большего. Вопрос был из школьной программы вообще-то.

– И это абсолютно правильный ответ! – ведущий пропел ей фальшиво и плохо поставленным голосом.

Да кто б сомневался. Соня поежилась, а Леся вдруг толкнула ее в бедро:

– Мама, а там Андريس... Андрий!

– Эндрис, – поправила ее мать, невольно оглядываясь.

Новый их знакомый сидел с самого края, повернувшись к Соне самой выгодной своей стороной – гордым профилем. И снова она мысленно очертила линию его лба, носа, губ и подбородка. Неидеальный, не канон красоты, но тем и хорош. Идеальных скучно рисовать. В их

студии самым востребованным натурщиком был дворник – горбун и силач, статный и гордый потомок орд татарских. Руки почти до земли, ширина плеч нереальная, улыбка от уха до уха. Философ, бабник и говорун. А натурщиком он подрабатывал строго для “вклада в историю”

– Что ж, – тем временем вещал ведущий, отвлекая Соню от тяжких воспоминаний. – У нас есть победители: это Олеся и ее мама... Как зовут маму?

Леся они знают, а Соню нет. Как мило. Так всегда: на всех детских площадках она была просто “Лесиной мамой”.

– Меня зовут Софья, – пришлось напомнить ведущему.

– Да! Софья и Олеся получают главный приз – поездку в сани по зимнему лесу! Милые дамы, вы можете взять с собой еще кого-нибудь. Если, конечно, пожелаете. Может быть, предложим эту честь второму месту?

– Нет, – мотнула головой Леся прежде, чем Соня успела согласиться. – Я хочу взять Андреаса. Можно, мама?

Соня оцепенела. Только этого ей и не хватало! Они и так успели надоесть бедняге прибалту хуже манной каши, а тут еще и тащить его в лес?

– И кто такой Андреас? – нехотая обрадовался ведущий. – Кто здесь Андреас, поднимите руку!

Как будто в зрительном зале были еще мужчины, кроме нового их знакомого!

С горделивым видом латыш поднялся с места, раскланялся и даже приподнял несуществующую шляпу. Ну надо же, какой позер!

– Итак, господин Андреас, ждем вас утром после завтрака на площадке возле первого медицинского корпуса, не опаздывайте. А сейчас дискотека!

Соня позорно сбежала с этого музыкального кошмара. Нет, песни там крутили довольно неплохие, некоторые даже еще советские эстрадные, но куча народу, толкущаяся в полутьме, словно планктон в толще океанической воды, ее откровенно пугала. И без того ей сегодня достаточно общения! И почему родители не подарили ей путевку на необитаемый остров?

Развод с Борисом обошелся Софье пока-еще-Кошкиной очень непросто. Он, Борис, вообще разводиться не хотел, это была целиком и полностью Сонина инициатива. Сейчас она не могла даже поверить, что ей хватило на этот отважный поступок сил и духа. Как она вообще посмела написать заявление на развод?

Достал потому что, вот как.

Соня прекрасно осознавала, что она – плохая жена, отнюдь не та женщина, что нужна серьезному трудолику Кошкину. Знала она и то, что многие ее знакомые отдали бы несколько лет жизни за подобное счастье. Как-никак, Борис был довольно представительным мужчиной, на хорошей должности и при деньгах. С машиной, без ипотеки. Просторная двухкомнатная квартира с большой кухней и даже с гардеробной была предметом зависти всех дочерей маминых подруг. Современный ремонт в скандинавском стиле, великолепный, сверкающий хромом и полированным камнем кухонный гарнитур, робот-пылесос, посудомоечная машина, мультиварка, электровафельница и даже тостер должны были максимально облегчить быт его жены.

Должны были, но почему-то не облегчали.

Соня ненавидела домашнее хозяйство. Вся эта техника пылилась без дела, разве что робот-пылесос давился Лесиными носками и травился куклами, пазлами, а потом и всякими слаймами. В раковине громоздилась куча немытой посуды, на каменной столешнице покрывался плесенью кусок трижды размороженной мраморной говядины, а в холодильнике догнивала банка открытого в прошлом году горошка.

В ванной творился армагеддон: куча тряпок, непарных носков и протертых на коленях детских колготок перемешалась со снятыми еще в сентябре летними шторами. Снять их Соня сумела самостоятельно в редком порыве любви к своему жилищу (стоило признать, что за три

года некогда золотистые шторы почернели и пожухли), а плотные, зимние, потом вешал среди ночи Борис, чертыхаясь сквозь зубы. На сей подвиг у Сони сил уже не хватило.

Зато унитаз она мыла через день – ей так нравилось. Так что не совсем уж она и засранка безрукая.

Разумеется, Бориса, вкалывающего по двенадцать часов шесть дней в неделю умение и желание жены вести домашнее хозяйство совершенно не устраивали. Если первые годы после рождения Леси он закрывал глаза на бардак и даже пытался хоть как-то Соне помочь, то в последнее время все чаще устраивал омерзительные скандалы. Ему хотелось возвращаться в чистый дом, пахнувший домашней едой. Но вместо этого он вдыхал запахи растворителей для красок и поскальзывался на разбросанных восковых мелках.

Ибо Соня была художницей и, к несчастью, художницей талантливой.

Творческие люди вообще немного не от мира сего, а Соню и вовсе близкая вся родня считала, мягко говоря, странной. Нормальная женщина должна заботиться о муже и ребенке. Нормальной женщине не сложно раз в день загрузить посудомоечную машину. Нормальная женщина умеет хотя бы пожарить яйца и сварить простой суп. Нормальная женщина иногда моет полы и даже выносит мусор.

Беда в том, что Соня нормальной не была никогда.

Да, она легко окончила школу с серебряной медалью, параллельно получив диплом в художке, так же просто поступила в институт и училась там, совершенно не напрягаясь. Даже технические специальности давались ей без труда. Красный диплом, предложение работы от нескольких фирм, но Соня предпочла выйти замуж и родить ребенка.

И, конечно, рисовать.

Когда она спросила у счастливого Бориса, можно ли ей раскрасить белые стены будущей детской комнаты, он не возражал. Все что угодно: беременным ведь нужно уступать? Даже хвалил, гордился ее успехами. Спустя несколько лет позволил Соне записаться на летние пленэры. Радовался вместе с ней, когда ее картины взяли на выставку.

А потом, после очередного безобразного скандала по поводу немытой посуды и пиццы на ужин, все ее картины пропали. Борис заявил, что довольно с него ненормальной жены. Больше Соня ерундой заниматься не будет, пока не научится быть взрослой и адекватной женщиной. Вот начнет прибираться и готовить, вот наступит в доме чистота и порядок – тогда можно будет и о хобби поговорить.

В тот день отчаянно рыдающая Соня подала заявление на развод через сайт Госуслуги.

4. Зимняя сказка

На завтрак, как обычно, девочки выползли поздно, к самому его завершению. Пока проснулись, пока оделись, пока искали книгу, засунутую Лесей зачем-то в сумку (наверное, за компанию с несвежими носками). Столовая была почти пуста, каша остыла, кофе в кофемашине закончился. Ничего нового, все как обычно. Зато тишина и простор вокруг, никто не ноеет, не чавкает и не скребет стульями по полу.

Впрочем, Соня с утра много есть не могла, довольствовалась чашкой чая и булкой. Зато Леся, в предвкушении прогулки, лопала как не в себя. И кашу всю съела холодную, и булку, и чай с четырьмя кусочками сахара выпила. Торопилась, вертела головой, высматривая Эндриса. Но тот, конечно, уже позавтракал и давно, а Соня довольная и спокойная малодушно радовалась привычному уже одиночеству.

Зато после завтрака их, конечно, ждали сани с лошадей и господин Эндрис. Прибалт был в лыжном костюме и шапке с помпоном, отчего сразу показался Соне совсем юным мальчишкой. Впрочем, мужчины ее теперь интересовали мало, а вот лошадь...

Лошадка, запряженная в сани, была чудо как хороша. Маленькая, толстенькая, мохноногая, у Сони она вызвала настоящий восторг. И масть ей понравилась: серая словно мышь, и заплетенная в косички грива, и явно сытая морда с философским на ней выражением. Было видно, что животное любимо и ухожено.

Сани были стилизованы не то под старину, не то под русский стиль: ярко-красные с золотыми цветами под хохлому, нестерпимо сияющие лаком, с мягкими кожаными сидениями. Места, действительно, было три: два “пассажирских” и одно рядом с извозчиком. Кучером. Ямщиком. Или как там раньше называли водителя лошади?

Леся деловито забралась назад и потянула за собой слегка растерявшегося их нежданного спутника.

– Мне кажется, дамам положено ездить на самых удобных местах. Я ведь как бы... не самая главная дама?

– Мама не обидится, – заверила его Леся. – К тому же ее сзади обычно укачивает.

Соня сомневалась, что в санях может укачать, но спорить с дочерью не стала. Во-первых, это было совершенно бесполезно. А во-вторых, так даже и лучше. Будет возможность просто помолчать.

Кучер (будем пока называть его так) оглянулся, велел “девочке не прыгать на сиденьи”, повел аккуратно вожжами, и они тронулись плавно. Не так, как на снегоходе, а медленно и степенно, разгоняясь, конечно, но вовсе не мчась быстрее ветра.

Лес был очень красив и невероятно тих. Только какие-то крупные, яркие птицы с длинными клювами соскальзывали с ветвей, взмахом крыльев срывая с них крупные хлопья пушистого снега. Да они, незванные посетители этого храма зимы, разрезали воздух своими голосами.

– Мама, смотри, белка, настоящая белка, – взвизгнула Леся, подпрыгивая от восторга. – Андрис, ты видел? Ой, а зайцы тут есть? А серые волки?

Соня почувствовала, что ледяное оцепенение, сковывавшее ее последние недели, словно растрескалось, осыпалось с нее льдинками. Она уже и забыла, когда была настолько счастлива – искренне и полномасштабно. Хохотала, откидывая голову назад, ловила снежинки языком, подставляла разрумившееся лицо зимнему ветру. Погода была великолепная: пронзительно-голубое небо, яркое солнце, хрустящий и искристый снег. Если бы она умела снова рисовать, она бы изобразила весь этот день бокалом шампанского. Внизу – золотое солнце и пузырьки, сверху – белая пена снега, а по ней сани. И бубенцы на дуге лошади непременно звенят.

Ей все нравилось: и сосны с елями, опустившие под грузом снежного покрывала пушистые лапы свои, и прыгающие по веткам белки, и Эндрис, взявший на себя беседу с Лесей и разговаривающий с чужим совершенно ребенком так терпеливо, серьезно и обстоятельно.

Порой Соне с дочерью было невероятно тяжело. Непонятно даже было, кто из них старше и кто за кого отвечает. Обычно именно Леся была занудлива и серьезна, а легкомысленная мать ее уже не знала ответов на добрую половину детских вопросов. Сейчас же дочь нашла себе новую жертву и донимала ее:

– Андрис, а ты что, правда, веришь в деда Мороза?

– Конечно. Вера – штука особенная. Если бы ты спросила, могу ли я доказать существование Деда Мороза, я бы ответил, что нет. Но верю. Так понятнее?

Девочка крепко задумалась.

– Да. Но ты же ведь умный. Почему не проверил?

Соня даже не удержалась и оглянулась назад.

Эндрис молча смеялся одними глазами. Как у него так получалось? Причем в целом у него вид был серьезный и даже решительный. Соне бы такие мимические способности, а то у нее на лице вечно все мысли написаны крупными буквами.

– А ты можешь все-все проверить? И получается? Давно ли ты побывала в

Канберре, как там столица Австралии, стоит? А вдруг ее не существует, Австралии этой, я как-то уже сомневаюсь.

Леся насупилась. Соня дернулась было на помощь дочери, но встретила взглядом с мужчиной и осеклась. Он словно просил потерпеть и заверял однозначно: справится. Странно как. Никогда еще Соня не понимала мужских взглядов. Вообще все мужчины были для нее книгой с картинками. На китайском языке.

Непредсказуемые существа, которым не понятно, что надо. То есть понятно, но глупо. Она снова запуталась и здраво плюнула на эти мысли.

Леся не унималась.

– Хорошо, убедил. Только если он существует, зачем тогда эти все... деды по вызову и за деньги? Плагиат?

– Я не знаю. Никогда не задумывался. Знаю лишь, что настоящий приходит к человеку раз в жизни. Может, в остальное время дети просто скучают?

Судя по выражению детского личика, полному скепсиса, эта теория Лесеньку не устроила.

– А к тебе приходил? – допрос с пристрастием продолжался.

И Соня вмешалась.

– Дочь! Ну совесть есть у тебя? Ты спроси еще был ли Эндрис женат, и где все его дети! Совсем не все хотят этим делиться!

Ой! Вот это дает она. Как вообще это вырвалось? Судя по поднявшимся разом обеим светлым бровям, обсуждаемый ими мужчина тоже был удивлен.

Леся скорбно поджала губы. Бабушкин жест, мама Сони всегда делала так, когда в очередной раз убеждалась в ущербности и полной никчемности дочери.

И только было Соня воздуху в грудь набрала, чтобы как-то исправиться, а Эндрис тоже собрался ответить, как сани вдруг остановились.

– Приехали, – как-то скучно и буднично пробормотал этот кучер. – Розалинда, какая же ты все-таки су... кхм... скотина!

– В каком смысле, приехали? – не поняла Соня. – Куда приехали?

– Эта ду... лошадка капризничает. Не то устала, не то обиделась на что-то. У нее бывает иногда.

– И что теперь?

– Подождем. Может, успокоится. А может, пешком обратно пойдем.

– По сугробам? – пискнула испуганно Леся. – По лесу? А волки тут водятся? – и она испуганно оглянулась на Эндриса, как на самого надежного мужчину в мире, очевидно.

– Спокойно, леди, – тот уверенно расправил плечи. – Я думаю, с любой дамой, даже с э-э-э... мохноногой и упитанной, можно договориться. Всем женщинам нужна твердая и ласковая рука, поверьте моему опыту.

Он выпрыгнул из саней, сразу же провалившись в сугроб по колено, и побрел вперед, к капризной упитанной “даме”. А Соня, с насмешкой кривя губы, обиженно думала, что лично ей “твердой и ласковой руки” хватило на всю жизнь и с избытком. Нет уж, никакого романа с блондином, даже мысли эти стоит выкинуть из головы. До этого момента она разглядывала и слушала его с любопытством, теперь уверилась, что новый ее знакомый ничем не отличается от мужского племени. Такой же, как и Борис, даже если вначале и показался ей особенным.

– Но, красотка, поехали! – он явно умел с лошадьми обходиться, похлопывал кобылку по крупу, проверил внимательно сбрую, головой покачал, что-то ослабил, другое кое-что подтянул. Морщил нос очень потешно, пару раз покачал головой, бросая недовольные взгляды на кучера.

Лошадка терпела, даже выдохнула с облегчением после всех этих манипуляций со сбруей. Но... с места не сдвинулась.

– Часто так она? Ну, “бунтует”? Лакомство есть какое?

“Ну конечно, без взятки он никак не справится”, – ехидно отметила Соня.

– Бывает, бывает. Думаю, снова вспомнила, что у нее обеденный перерыв. Она из проката у нас, а там было строго все по расписанию. Если так, то тогда только взад. А мы тут не развернемся, наверное. Придется пешком.

– Давай, Розалинда, или как там тебя, – Эндрис взял ее за уздечку и потянул по тропинке.

Лошадка уперлась, недовольно храпя и шкурой отчаянно дергая. Он потянул ее даже увереннее. Кобылка твердо решила закончить прогулку и тут же заночевать.

– Да погодите же вы! Не надо с ней так! – Соня была искренне возмущена. Нашелся тут... командир! – Ничего вы, Эндрис, не понимаете в женщинах, да-да. Отойдите-ка!

– Женщины так не считали обычно... – пробормотал еле слышно в ответ. Но Соня отлично услышала.

Решительно спрыгнув с “водительского сиденья”, девушка зашагала к лошадке, высоко, словно цапля, задирая ноги – сугробы, чтоб их! Оттеснив слегка ошарашенного блондина, нервно поправляющего очки, Соня погладила нежно лошадку по спутанной гриве ласково, осторожно, трепетно, как настоящее чудо. И хотя она была городской жительницей, ни разу не имевшей дело с кем-то крупнее кошки, не испугалась совершенно.

– Ты ж моя хорошая, – тихо-тихо шепнула она. – Мужики тебя замучили, да? И вообще, пора уже обедать? Пойдем, Розочка, домой, в смысле, в санаторий обратно. Там на обед обычно яблоки дают, я принесу тебе. И вообще, они все козлы, а мы красотки, да? Сильные, смелые, послушные. Пошли, хорошая, не надо на дураков обижаться.

– Обратно у нас не получится. Лошадь. Все же не поезд метро, задней тяги у нее точно нет. – Эндрис подал голос.

– Ой-ой, поглядите, какие все умные! – Соня хихикнула и снова прикоснулась к гриве Розалинды. – Куда нам, бабам, до этих тонкостей! Вперед так вперед!

Лошадка задумалась, с ноги на ногу переступив, очень тяжело вздохнула, потрогала зачем-то губами Сонину шапку, вздохнула опять и... начала разворачиваться! Вместе с санями. Кучер честно держал рот закрытым и грязно почти не ругался. Блондин вовсе свалился в сугроб от неожиданности. Зато Соне было весело, и Леся голосила на весь зимний лес, как болельщица на стадионе.

Не сказать, что совсем быстро и гладко, но сани они развернули. И лошадка пошла, встряхивая покрытой снегом гривой, словно сама говорила себе: “Ну что за люди смешные!”

А Соня откровенно торжествовала и поглядывала на смущенных мужчин с явным превосходством.

Какой замечательный все же день! И ничто уже не могло его омрачить: ни затягивающие небо тучи, ни начавшаяся через час метель, ни нелюбимый гороховый суп на обед, ни даже Эндрис, прочно обосновавшийся за их любимым столиком.

5. Сквозь мороз и снег

А назавтра Леся вдруг вовремя не проснулась.

Обычно она вставала раньше матери. Соня вполне оправдывала свое имя, она очень любила поспать. Завтрак в “Сосновом” был с восьми до десяти, и Соня, с трудом продирая глаза в девять, неохотно умывалась и выползала из номера почти к концу приема пищи. Будь ее воля, она вообще бы не завтракала, тем более что в одиннадцать тут можно было выпить кофе с булочкой, но Леся всегда ее будила лучше любого будильника: уже бодрая, одетая и с начищенными зубами. Оставалось только подчиниться, мысленно проклиная всех жаворонков этого мира.

Сегодня же, тридцатого декабря (Соня привычно уже взглянула на календарь, в очередной раз удивляясь, как быстро летит время) дочь спала, хотя за окном даже уже рассвело. Умалась вчера? Или, может, девочка пыталась ее утром растолкать, да неудачно?

Подошла к санаторной кровати, откинула одеяло, убрала непокорную челку с пылающего детского лба.

Пылающего? Да у нее же температура! Прикоснулась к раскаленной коже губами, ужасаясь тому, что внезапно так обнаружила. Да она заболела!

Не первый раз и не последний, конечно. Любая приличная мать проходит все ужасы детских болячек. Ничего страшного, они же в санатории! Здесь точно должны быть врачи!

– Солнышко, просыпайся, – ласково позвала Соня, пытаясь не волноваться сама.

Но Леся лишь что-то проворчала, не открывая глаз. Тихо-тихо.

На столике возле окна был телефонный аппарат. Настоящий, с трубкой на витом проводе, с рычажком и кнопками. Реликт этот соединял или с администрацией, или с охраной, или со столовой, этого сейчас Соне было достаточно. Заглянула в бумажку, набрала номер администрации.

– Здравствуйте, а можно вызвать врача? У меня ребенок заболел. Что значит “суббота”? Это ведь санаторий. Здесь должен быть дежурный врач! Только медсестра? В третьем лечебном? А она может прийти? Да вы поймите, у Леси температура, ну куда я ее потащу в мороз?.. Ясно.

Бросила трубку, пылая праведным гневом. Безобразие! Суббота у них! А если что-то посерьезнее, чем температура у ребенка? Ногу кто-то сломал, поскользнувшись на дорожке, или в бассейне потонул? Кто первую помощь оказывать будет, медсестра из третьего корпуса? А утопший должен сам к ней доползти?

Какая безалаберность!

– Леся, вставай, детка. Пойдем к врачу.

– Мама, я буду спать. Мне нехорошо.

– Что-то болит, мышка?

– Нет. Да. Не знаю. Слабость и голова.

С огромным трудом все же подняв дочь и одев ее, Соня практически на руках дотащила Леся до третьего корпуса, благо, что он был довольно близко. Первый гораздо дальше. А потом начался настоящий сюр.

– Мамочка, у вас температура 39,2.

– Дайте парацетамол. Сделайте укол. У вас должны быть лекарства!

– У нас санаторий, а не больница. Есть зеленка и мирамистин. Что из этого вам выписать?

– И что нам делать?

– Поезжайте в город и вызывайте скорую. Я не имею права оказывать помощь, да и нечем. Давайте, что ли, послушаемся. Ага, тут, судя по хрипам в груди, воспаление легких. Что же вы, мамочка, за ребенком совсем не следите? Поди девочка раскутанная бегала, да?

Соня задохнулась от ярости, и только тихий Лесин стон спас медсестру от неминуемого скандала. Дочь бледная, с полужакрытыми глазами сползала со стула.

Что делать, куда бежать?

Связи здесь не было. Дороги завалило снегом. Скорая не проедет, наверное. Вертолет разве что вызвать, но таких связей у Сони не было. Надо звонить Борису, вот что! Он должен помочь, это, в конце концов, и его ребенок тоже!

Но чтобы позвонить бывшему мужу, нужно было добежать до первого корпуса, где ловила сеть. А оставить дочь в таком состоянии Соня никак не могла.

– Мапочка, мне плохо...

Обычно Соня была девушкой застенчивой и нежной, никогда не повышала голос, не устраивала разборок и не влезала в скандалы. Но сейчас дело коснулось Леси, и в робкой домашней кошечке проснулась настоящая тигрица. Ух, она всех тут поубивает! И начнет с администрации!

Подхватив дочь на руки, Соня рванула к административному корпусу. Уж у них должна быть связь с каким-нибудь медицинским учреждением как минимум по стационарному телефону. Пусть звонят кому хотят, хоть в скорую, хоть министру здравоохранения, хоть самому президенту, но врача ей найдут!

– Соня, Леся, – окликнул “тигрицу” знакомый голос. – Вас не было за завтраком, что-то случилось?

– Леся заболела, – скупно ответила девушка, перехватывая поудобнее весьма тяжелого ребенка.

– Постойте. С ума сошли? Обе? – Эндрис в два больших шага нагнал их, разрешения не спросив, аккуратно забрал девочку из рук матери. Почему она не воспротивилась? Молча, уверенно так. – Куда вы теперь?

– Нужно в город к врачу, – всхлинула Соня с облегчением. Как-то вдруг Соня поняла интуитивно: она теперь не одна. Было что-то этакое в этом латыше... какая-то уверенная власть. Ей помогут. Проблема, поделенная на двоих, становится куда более простой.

Мужчина со знанием дела потрогал губами лоб девочки, бессильно обмякшей на его крепких руках, и выругался. Судя по странной фонетике, на латыни.

– Здесь только медсестра, а у нее только зеленка, – захлеб объясняла Соня. – Нужно скорую, а как она приедет по снегам? Я хотела в администрацию, чтобы они позвонили... куда-нибудь... – голос ее виновато затих.

– Администрация будет счастлива в этом участвовать... Идемте. Сами себя как чувствуете?

– Не подохну, – вот грубить Эндрису не стоило, конечно, но нервы у Сони начали сдавать. Он молча кивнул, взглянув на нее очень пристально и не дожидаясь развития материнской истерики, быстро двинулся в сторону... куда это он?

Оставалось ему лишь довериться. Собственно, какого-то выбора у нее и не было, и Соня рванула следом за негладным своим помощником.

– Тут у меня есть свой транспорт.

– Вертолет, что ли?

– Лучше, я вас уверяю. Пока я прогреюсь, вам нужно быстро сбежать собрать вещи в больницу. Документы, деньги, одежду. И если успеете – вообще соберитесь.

– А Леська? Если ей станет плохо? В смысле, еще хуже?

– У меня есть практика медицинской помощи. Экспедиционный опыт. Все будет хорошо, – он вдруг взял ее за руку осторожно и пожал пальцы, словно в подтверждение слов поддержки.

Теперь уже Соня пристально вглядывалась в лицо этого... экспедитора. Можно ли доверить ему самое драгоценное? Убережет ли, справится ли? Эндрис был совершенно, непоколе-

бимо спокоен. Ни малейшего всплеска паники в глазах, ни слова укора. Только горячая твердая рука. Невольно вспомнился Борис в таких ситуациях. Он для начала бы раскричался, обвинив жену во всех смертных грехах, суетился бы, нервничал. Потом, конечно, все решил бы, но Соня обычно после его “решений” была выжата как лимон. Здесь было по-другому и, наверное, именно это убедило ее: все будет хорошо.

– Идите, Соня. С Лесей я сам разберусь.

Быстро кивнув, она помчалась стрелой в свой номер, где покидала в большую спортивную сумку все, что нашла. К счастью, вещей у них было совсем немного. Несколько кофт, спортивный костюм, тапочки... Документы, телефоны, зарядные устройства, альбом с Лесиными художествами.

Схватив сумку, Соня поволокла ее к стоянке. Ей казалось, что она бежит очень медленно, что упускает драгоценные минуты, но Эндрис, ожидавший ее у огромного черного джипа, больше похожего на вездеход, одобрительно кивнул. Успела? И снова ни слова упрека. Странный он какой-то.

– Она спит, – как он понял, что нужно было сказать? – Поедете на заднем, кресел и фурнитуры для детей в машине нет, надо будет обзавестись. Пять минут и вылетаем, усаживайтесь.

Отобрал молча сумку, открыл дверь, подал руку, подсаживая. Он вел себя так естественно и органично, будто каждый день только и делал, что детей по больницам возил из засыпанного снегом убогого провинциального санатория.

В руках складная снеговая лопата, запотевшие очки, непривычный для образа Эндриса румянец на щеках. Пока она потихоньку укладывала на руки Лесю, тщательно упакованную в красивых меховой плед, пока сама осторожно усаживалась в роскошной машине, стараясь сапогами не задеть ненароком кожаные светлые сидения... он махом расчистил от снега площадку вокруг машины, двигаясь очень быстро и невероятно красиво. Откуда только в этом... ботанике... столько мощи? Запрыгнул на водительское сидение, взглянул в зеркало заднего вида и тихонько, очень уютно спросил:

– Спит?

– Спит.

– Вот и отлично. Пристегивайтесь и держите ее очень крепко. Просто не будет, зато весело и приключения.

Как у него получалось вызвать слабую улыбку встревоженной матери? Улыбался мужчина красиво, совершенно преображаясь, такие улыбки нужно маслом писать и вешать на стены в больницах – жизнь сразу станет светлее.

Просто, действительно, не было. Мощный джип разрезал бампером снежную целину, как ледокол пространство ледяных океанов. Пару раз они соскальзывали с дорожного полотна вниз, и отчаянный их водитель, тихо ругаясь на неизвестных Соне языках (она три насчитала!), снова брал лопату, доставал какие-то доски из необъятного своего багажника и героически всех откапывал. Потом сажал трясущуюся Соню за руль, терпеливо объяснял все про педали и уходил в снежную темноту “толкать машину”. А Соня старательно заводилась (стуча зубами от ужаса) и отжимала сцепление, как учил. Педаль скорости тоже выучила, дав себе слово на курсы пойти и... потом. Все потом.

Леся дышала все тяжелее, хрипела уже совершенно отчетливо. Когда впереди загорелись ясным заревом огни районного центра, Соня расплакалась, хоть ей было стыдно ужасно.

В плечо что-то ткнулось. Глаза подняла и увидела... рулон бумажных полотенец. И озабоченный взгляд их спасителя в зеркале.

– Тут связь есть, найдите номер, позвоните в приемный покой местной больницы, скажите им, чтобы ждали. Или... может лучше я?

– Давайте на “ты” уже, что ли. Вы меня научили машину заводить, таких близких отношений с мужчинами у меня еще не было, – попыталась шутить девушка, скрывая смущение.

Он в ответ улыбнулся. Молча. Снова ни слова упрёка. Так непривычно...

Она смогла это сделать. Не с первого раза, сбиваясь, всхлипывая, ловя взгляды Эндриса (как ни странно подбадривающие!). И когда они к детской районной больнице подъехали, их уже даже встречали. Мужчина сам Лесю нес на руках, снова трогая осторожно лоб девочки, хмурился. Очень уверенно и быстро построил весь приемный покой, и уже через считанные минуты вокруг Леси деятельным роем вилась практически вся “педиатрия”. Врачи и медсестры бросали завистливые взгляды на смертельно уставшую Соню, плетущуюся за спиной мужчины.

Ну да. И машина крутая, и мужик ничего, а уж как он с ребенком... Сама бы увидела и позавидовала. Только нечему.

– У девочки не пневмония, конечно. Острый ринотрахеит, отек гортани. Очень вовремя вы приехали, очень, – молоденькая врач-терапевт с придыханием это все произносила, томно глядя на Эндриса.

И почему кошки в душе Сони вдруг яростно заскреблись? Глупые звери! Хватит с нее этих мужчин. Это сначала они все белые и пушистые. А потом из них вдруг вылезают Борисы.

– Госпитализация? Судя по тому, что вы мне тут сказали, в ней нет особого смысла. Антигистаминное сделайте, ингаляцию. Укол антибиотика, дальнейший курс ей назначат, со своим врачом я в ближайшее время свяжусь, он в отъезде. И оперативней, пожалуйста.

Последнее слово Эндрис произнес так недвусмысленно, что врачиха угасла, понуро выписывая назначения, и только бросила на Соню взгляд полный откровеннейшей неприязни. Надо же...

Возвращались они по накатанной колее, Соня откровенно дремала, мысли запутывались, куда-то не туда уползая. Время от времени открывая глаза, она любовалась мужским профилем. Шикарный нос у него. Такие на монетах надо чеканить, все точно оценят. С этой мыслью она и уснула.

Только и смогла, что пробормотать домашний адрес в полусне, как будто Эндрис был таксистом или ее персональным водителем.

6. Без елки и бенгальских огней

Дома было непривычно пусто и гулко. А ведь они уезжали всего на две недели!

Соня когда-то любила эту квартиру: светлую, большую, с широкой лоджией, с окнами, выходящими на восток. Здесь она все когда-то делала сама, ну, выбирала: и светлый, серо-голубой ламинат, и кофейного цвета обои в спальню, и бирюзовые подушки на кухонный диван, и саму кухню хромово-каменную, холодную и монументальную.

Огромная кровать из натурального дерева, цвета слоновой кости, комод и встроенный шкаф к ней в комплект. Круглый светлый ковер на полу, его обожала Леся и искренне ненавидел Борис, у которого была аллергия на пыль. Ковер Соня демонстративно достала из шкафа в тот день, когда Борис после развода съехал в гостиницу (наверное).

Теперь вся эта некогда любимая и привычная обстановка, все эти невыносимо изящные статуэтки, тщательно выверенные цветочные композиции и тяжелые портьеры казались Соне пустыми и ненужными. Хотелось одним махом смести все в мусорные мешки и вынести на помойку, как и ушедшие ее нежные чувства к бывшему мужу. Сменить шторы. Кухонный гарнитур выкрасить в снежно-белый. Оштукатуренные стены обклеить обоями в цветочек. И люстру хрустальную в холле (назвать коридором пространство в двенадцать квадратов не поворачивался язык), которую выбирал Борис, тоже выкинуть, заменив лаконичным черным светильником.

Прежней Соне мучительно и безнадежно хотелось принести в этот дом если не уют и тепло, то хотя бы иллюзию. А теперь руки чесались все вымести, навести свой порядок и существовать.

Не до этого сейчас, конечно. Да и денег у нее на ремонт нет совсем. Соня ведь так и не работала ни разу в жизни. После института она сразу же забеременела, потом Борис сказал, что он зарабатывает достаточно, чтобы его жена могла заниматься домом и ребенком. А уж когда выяснилось, что Лесенька чрезвычайно умна для своих лет, про детский сад не шло уже и речи.

Они, впрочем, даже попытались, когда дочери было полтора года – социализация, коллектив, да и просто трехразовое полезное питание. Но в первый же день, глядя прямо в глаза воспитательнице, малютка Олеся серьезно заявила, что “старая собака Ольга Матвеевна” целый день сидела в телефоне, а еще у нее была в шкафчике красивая бутылочка. Воспитательница обиделась на “старую собаку”, вызванная заведующая нашла “бутылочку”, Борис долго смеялся, а потом сказал, что такой детский сад им не нужен.

Жена заикнулась было про няню, но муж не выносил чужих запахов в доме, к тому же у Леси есть мать. Она ведь сидит дома именно для того, чтобы этим домом заниматься. Соне пришлось согласиться. Она вообще не умела спорить с мужем.

До тех пор, пока он не выкинул ее картины, конечно.

Эта боль все еще Соню не отпустила.

Сняв обувь и развязав Лесин шарф, девушка молча прошла в детскую. Пустая белая стена и девственно чистый стол, раньше заваленный кистями и красками, снова резал глаза. Борис не пощадил ничего. Холсты, растворители, шпатели и грунтовки, масляная пастель и крафт-листы – все было безжалостно вынесено на помойку. Как сказал бывший муж: “До тех пор, пока Соня не повзрослеет”.

Что ж, она повзрослела и очень быстро, правда?

В этой квартире, хранившей и моменты бывшего счастья, и шлейф громких скандалов, Соне теперь находиться не хотелось, но идти ей было некуда – не к родителям же, в самом деле? Они и рады принять, но у них две комнаты, в одной из которых живет Сонин младший брат-студент.

Медленно, будто сомнамбула, девушка открыла сумку, потом шкаф. Леся тихо прошлепала на кухню, хлопнув дверцей холодильника. Ну конечно! Ребенка нужно кормить, а продуктов дома нет. Только картошка в ящике под раковиной и куриное филе в морозилке. Вещи подождут.

– Лесенька, ты бы полежала, – ласково сказала Соня дочери, вспомнив вдруг, что Эндрис сунул ей пакет с лекарствами уже в дверях квартиры. Куда она его бросила? А, на обувнице. – Давай примем таблеточку и спать.

– Женщина, я вообще-то есть хочу, – буркнула девочка, в очередной раз заглядывая в холодильник, словно там за несколько мгновений что-то изменилось. – Мне нужна энергия, чтобы выздороветь.

Соня выразительно сморщила нос и извлекла из морозилки ледяную куриную тушку и упаковку зеленой фасоли.

– Суп сварю, – сообщила она.

– А побыстрее?

– Яичница? – нет, наверное, это не самая хорошая идея. Сколько лет этим яйцам? Через пару дней они точно станут прошлогодними.

Ничего не поделаешь, придется заказать еду в кафе. Тут даже Борис бы ее не осудил. Хотя... муж в очередной раз прочел бы ей лекцию о том, что в общепите готовят из самых дешевых продуктов не первой свежести и, конечно, немытыми руками. Как будто в холодильнике все идеально свежее!

Денег на карте было немного, но на еду хватило. Карбонара для Сони, пюре с котлетой и морс для Леси и еще кусок чизкейка для минимальной суммы заказа. Может, дочь и поест, она ведь любит сладкое. И не думать, не думать, что сказал бы муж, между прочим, бывший. Теперь он ничего не имел права ей запрещать!

– Я буду спать с тобой! – строго сказала Леся.

Соня кивнула. Кровать большая, тесно им не будет.

Опять же Борис запрещал дочери спать в родительской кровати. Леся спала с мамой только в те дни, когда ее отец был в командировках.

Наверное, это было правильно. Он вообще говорил очень правильные и логичные вещи. Ребенку так точно не место в постели супругов. Но теперь нет супруга, и место вакантно. Вот и отлично.

С Борисом Соня спать не любила: муж похрапывал, бормотал во сне, но самое ужасное – плотно закрывал окна и двери, так что его свободолюбивая жена ночью задыхалась. Ей нравилось просыпаться от солнечных лучей, скользящих по лицу, от шума дождя летом, от карканья ворон, даже от ледяного холода. Но окна в спальне всегда были зашторены и даже летом форточки открывались лишь днем. Последние годы Соня частенько спала в маленькой постельке в обнимку с дочерью, что Бориса крайне бесило. Не это ли было первым камнем, разрушившим такой прочный в начале брак?

С Лесей спалось прелестно, несмотря на то, что девочка раскидывалась звездой, пиналась и ворочалась. Ночью Соня даже вставала, закрывала-таки форточку и убирала Лескины пятки с подушки. И тем не менее – выспалась и вскочила в великолепном настроении. Даже завтрак приготовила – нажарила картошки. Не полезно, но ужасно вкусно.

И первый же вопрос дочери разрушил очарование дня.

– Мама, а Дед Мороз к нам придет? Принесет тебе и мне подарки?

К вопросу об отце Соня была хоть немного, но готова. Придумала, что ответить: папа в командировке, он обязательно придет чуть позже. А к бабушке с дедом мы сами заявимся, как только ты выздоровеешь окончательно.

– Кстати, Лесь, надо принять таблетку и еще микстуру.

Но Дед Мороз! Откуда он взялся на Сониной кухне вообще? Никогда она не рассказывала прагматичной дочери подобных бредней. Сама не верила давным-давно, с того самого дня, как в пятилетнем возрасте проснулась среди ночи и сквозь ресницы наблюдала, как родители кладут подарок под елку и развешивают на стены гирлянды из конфет. А Лесе и вовсе сказки про волшебных дедов были неинтересны, она с негодованием отвергала книги про принцесс и единорогов, зато пищала от энциклопедий про динозавров.

– Солнышко, но ты ведь знаешь, что Дед Мороз – это выдумка, легенда. Как и Санта Клаус, и Кыш Бабай, и Йоулупукки. Мы ведь читали с тобой про историю праздника, про Рождество, про то, что Новый год раньше и вовсе праздновали в сентябре...

– Это все понятно, – перебила ее Леся. – Но Адрис сказал, что если чего-то очень захотеть, если поверить изо всех сил, то оно сбудется! Я очень-очень верю, мама. Вот увидишь, он придет. Можно, я не буду картошку больше? Полежу, устала.

Час от часу не легче! И что теперь Соне делать? Где искать Деда Мороза?

Всемогущий гугл озвучил цены на вызов актеров в костюмах. Соня от ужаса зажмурилась и неприлично выругалась. Допустим, у нее есть такие деньги. В крайнем случае, можно будет занять у родителей. Но, где гарантия, что тридцать первого декабря найдутся свободные Мороз и Снегурочка? И потом... видала она таких актеров. Ватная борода, потертый халат, накладные косы у престарелой Снегурки. Леся раскусит их на раз-два и будет разочарована еще больше.

Ох, уж этот Эндрис! Конечно, она очень-очень ему благодарна за помощь, но зачем он запудрил ребенку мозги? Что же ей теперь делать?

К тому же... Ну никак Соня не рассчитывала встречать Новый год дома. Холодильник пуст, на карте не самая большая сумма, алименты от Бориса должны прийти после десятого числа. Ну... оливье можно настрогать, не так уж это и дорого, да мандаринов купить. Но на этом все. Елки не будет, подарков, по-видимому, тоже. Раньше Борис приносил с работы плюшевых тигров и драконов, набитых конфетами. Теперь отца никто не ждал, он вряд ли явится с подарком в новогоднюю ночь. Конечно, Соня едва ли не полгода назад заказала для дочки ноутбук, но хочется не только подарка, а еще той самой атмосферы. Успеет ли она? Хватит ли ей на это сил?

Искусственная елка, огромная, тяжелая, неповоротливая, такая нелюбимая Соней, лежала где-то на антресолях. Достать ее не представлялось возможным. Наломать бы хотя бы еловых веток, обмотать мишурой, повесить старые, хрупкие, еще бабушкины стеклянные игрушки: космонавта, цыпленка, огурец и домик, пару прозрачных невесомых шаров... Обмотать крафт-бумагой и перетянуть бечевкой коробку ноутбука... Разрисовать зеркала зубной пастой... Что еще? Соня ведь – творческая натура. Справится ради дочери. Пусть без деда Мороза, но свою сказку ее ребенок получит!

Назойливый телефонный звонок раздался крайне не вовремя – в тот самый момент, когда Соня, балансируя на табуретке, привязывала гроздь стеклянных шаров к люстре в детской комнате. Чертыхнувшись, изящно спрыгнула, не глядя, мазнула пальцем по экрану:

– Слушаю!

– Соня, добрый день, это Эндрис. Хотел узнать, как вы обе, как Леся? Ей лучше? Какая-то помощь вам нужна?

– Угу, – буркнула раздраженно девушка, плюхаясь на ту самую табуретку. – Дед Мороз мне нужен. Срочно. У тебя есть на примете?

– Насколько все срочно? И почему Дед Мороз?

– А вот так. Кто Лесе голову задурил, не подскажешь? Где хочешь, там и ищи теперь, вот.

– Неожиданный поворот.

– Да ладно, я же пошутила! Прости меня, Эндрис, за грубость. Не следовало мне на тебе срываться. Я просто немного устала. Все у нас хорошо, Леся спит, температуры больше нет. И

спасибо тебе за заботу. Я ведь так и не поблагодарила? Еще раз – спасибо. Ты – наш спаситель. С Наступающим!

– И все же я тебя услышал. Ты права. До свидания.

– До свидания.

Горько вздохнула, задрав голову, оглядела покачивающиеся у потолка шары, осталась довольна. Принюхалась, снова выругалась и бросилась запоздало спасать подгорающую уже курицу. Осталось всего ничего: сбегать в магазин за горошками, яйцами, сметаной и прочими мандаринами, найти где-то еловых ветвей и постараться не расплакаться хотя бы до утра.

7. Добрый волшебник

Многого сделать не получилось. Уже к десяти вечера Соня валилась с ног, а к половине двенадцатого сдалась. Зато задремавшая было Леся встрепенулась и деятельно принялась не столько за новогодние приготовления, сколько за лихорадочную беготню от окна к окну. Покашливая и отмахиваясь от ложки с микстурой, она смотрела в дверной глазок, чутко прислушивалась к грохотающему гулко подъездному лифту.

Никакие уговоры тут не помогали, даже демонстрация прайса на услуги по вызову Дедов Морозом, даже ролики с пьяными дедами в ютубе (Соня скатилась даже до этого!) ребенка не убедили.

Леся, может, и являлась гениальным ребенком, в свои пять с половиной по уровню эрудиции давая фору многим старшеклассникам, но она была еще и просто маленькой девочкой, вдруг внезапно поверившей в сказку.

Обнять и плакать, короче.

Одиннадцать сорок пять. На столе скорбно стоит салатник с пересоленным “оливье” (Соня совершенно забыла о майонезе, а со сметаной вышло нечто совершенно отвратительное, даже соль не помогла). Сиротливая горка мандаринов, красивое блюдо с картошкой и две подгоревшие куриные ножки. Великолепный стол, загляденье просто!

В напольной вазе в углу две ободранные еловые ветки, печально прикрывшие свой позор ярко сияющим дождиком и стеклянными шариками.

А всхлипывающая уже Леся, вообще не слезающая с подоконника, сидит, упершись лбом в запотевшее стекло, и тоненьким пальчиком что-то выводит на конденсате.

Соня молча сбегала на кухню, чтобы поплакать там и умыться. Приближался их маленький женский семейный армагеддон.

Еще десять минут... А потом можно будет сказать, что некоторые Деды Морозы приходят на Рождество, например. Вдруг ребенок забудет? Или по старому стилю....

Нет. Леся ввести в заблуждение было непросто. И не забудет она ничего, это точно. Сил смотреть на тоненькую фигурку, сиротливым комочком ютившуюся на подоконнике, не было совершенно. Соня собрала последние крошки воли в кулак и вошла в комнату.

– Леся, я...

– Слышишь? – девочка оглянулась, слетев птицей на пол.

– Дочь, это ты послушай меня! – когда было нужно, Соня умело давала понять кто тут... мать. Ну... пыталась хотя бы.

Леся лишь отмахнулась, нырнув Соне под локоть и выскочив в коридор. Там действительно было слышно, как лязгнули створки лифта, и раздались голоса. К соседям гости приперлись, наверное.

Громкой звонок стал полнейшей неожиданностью. Соня с огромным трудом сдержала громкий стон. Только этого не хватало! Придется иметь дело с развеселой компанией неизвестных людей, разочарованно рыдающей дочкой, и все это как-то разруливать!

Не пойдет открывать! Пусть трезвонят. Осталось чуть больше пяти минут до курантов авось рассосутся.

Звон в дверь не прекращался, и Леся, замершая было, вдруг рванулась открывать замок.

– Леся, не смей!

Да куда там!

Соня бросилась наперерез, не успела, и проворная девочка, продемонстрировав недюжинную силу, махом открыла английский замок и эту чертову дверь распахнула.

На пороге стоял... Дед Мороз! Ущипните! А лучше по голове постучите совочком из ближайшей песочницы. Зима, говорите? Тогда снеговой да покрепче.

Ростом почти под два метра, косая сажень в плечах, роскошная белая шуба. Не какое-то там красненькое пальто из китайского флиса с меховой оторочкой, а настоящая, очень пушистая шуба, да еще и расшитая красными бархатными узорами. А еще окладистая белая борода по пояс, красные бархатные рукавицы, белые валенки и мерцающий острым стеклянным блеском серебряный посох.

Пока Соня пялилась на это чудо природы, Леся визжала и прыгала, словно белка.

– Ура! Ура! Ты пришел! Я знала, я верила!!!

Гость степенно им поклонился, а Соня медленно запаниковала. Тревога ее еще больше усилилась после того, как из-за плеча Деда Мороза выглянула Снегурочка. Высокая, тоненькая, с огромными, вполтину лица, голубыми глазами, она улыбнулась опешившей Соне и помахала в ответ на ее перепуганный взгляд.

А вдруг это воры? Мошенники там, или какие грабители?

– С новым годом! С праздником! – пропел басом гость.

– Вы ошиблись! – прохрипела в ответ ему Соня.

– Мама! Ну что ты такое опять говоришь! – терпение девочки лопнуло.

Гости переглянулись.

В этот судьбоносный момент дверь лифта снова открылась, и из нее вышел... Эндрис собственной персоной! Тащивший с собой два огромных полупрозрачных бокса на колесиках, в запотевших с мороза очках, непривычно-взъерошенный, еще и с торчащими из карманов бутылками, очевидно, шампанского, выглядел он очень потешно.

Если бы Соня могла сейчас смеяться, посмеялась бы точно. Но она не могла. Накопившееся напряжение натянулось струной и грозило излиться истерикой. Натуральной, с рыданиями и даже визгами.

Минутная пауза. На лестничной площадке стоял сказочный Дед Мороз (от него даже холодом веяло, кажется), красавица Снегурочка и готовые заплакать обе Ореховы-Кошкины. Очень твердо готовые. Обе.

Эндрис медленно опустил ручки боксов. Протер, чертыхаясь, очки, в полном молчании что-то шипя про совершенно бессовестное очковтирательство их изготовителей, и... улыбнулся. Вот запрещать надо такие улыбки, как настоящее биологическое оружие! У Сони сразу же все негодование прилипло к гортани, честное слово.

– Вы вообще понимаете, что все творите? – тихо так осведомился, даже строго. – Новый год не ждет! Быстро, быстро! Софи, Лесенька, вы позволите?

И вся эта ватага шагнула в минуту назад бывший еще Сониным дом.

А там они ка-а-ак развернулись!

Эндрис молниеносно распаковал свои странные коробки, оказавшиеся термобоксами, вихрем прошелся по кухне (каждый раз поправляя очки и осведомляясь у Сони: позволит ли она, не против ли взять тарелки).

А Соня молчала, открыв рот, словно смотрела немое кино. Причем где-то с галерки, а тапер был немислимо пьян и вообще валялся под роялем.

Тихонько кивала головой, наблюдая, как этот мужчина хозяйничает на ее кухне. Как накрывает на стол, молча (!) перемывая салатнички, вилки с ножами, тарелки. Параллельно тихонько рассказывая, как они в лифте встретили Новый год. Как ехали из Москвы, наивно рассчитывая, что таких идиотов много не будет, а они были, и столько, что хватило на пробку длиной в полсотню километров.

– Ехали из Москвы? Почему? – само как-то спросилось.

Соня судорожно вытирала тарелку, ей врученную Эндрисом (он даже полотенце нашел на их кухне!) и все пыталась понять.

Краем глаза она наблюдала в открытую дверь, как ошалевшая от свалившегося на нее счастья Леся рассказывает что-то гостям. “Дед Мороз” важно кивал ей, пряча в бороду улыбку, “Снегурочка” даже смеялась, светло так и искренне.

Видела Соня и то, что хитрющая дочка осторожно прощупывала этот сказочный персонаж на предмет лжи и подлога: и бороду аккуратно подергала, и шубу потрогала, только в штаны не заглядывала! Ой. Куда-то не туда поползли Сонины мысли. Это все вина Эндриса.

Да, этот мужчина за час его неожиданного присутствия в этом доме научил ее большему, чем мама за жизнь. В деле домоводства, разумеется. И как огурцы выбирать, и почему парадную посуду имеет смысл именно вытирать, как точить кухонные ножи, и в чем тайный смысл майонеза.

– Это не просто соус, это сложная эмульсия... – Соня округлила глаза. – Эм-м-м... есть такой способ смешивать несочетаемые жидкости. Если просто налить уксус в масло, они расслоятся. Но при участии эмульгатора – третьего вещества – в определенных условиях мы можем все это отлично смешать. Миксер есть в хозяйстве?

Был. Кажется. Даже еще не распакованный. Мама его в назидание подарила когда-то. Нашли.

Леся тем временем пела для Деда Мороза песенку собственного сочинения на стихи Пастернака. При всех ее неисчислимых талантах, музыкального слуха у девочки не было. Зато голос достался от бабушки, хороший голос такой, можно батальоном командовать.

Откуда у этих двоих столько терпения? Платят так хорошо? Ой! Надо будет спросить, сколько она должна теперь Эндрису. Потом. Сейчас ей не хотелось прерывать этот уютный процесс: майонезомешание.

– Я не покупаю его никогда. Это же просто, смотри: эмульгатором у нас тут работает яичный лецитин. Можно яйцо заменить на горчицу, но тогда майонез будет острым, а нам нужен нейтральный. Очень важное условие в этом всем волшебстве: жидкости и эмульгатор должны быть одинаковой температуры. А яйца у меня недопустимо холодные.

Прозвучало настолько двусмысленно, что Соня рефлекторно фыркнула. Эндрис воззрился на нее с таким откровенным удивлением, что пришлось отворачиваться, пряча предательски вспыхнувшие щеки. Фу, Соня. Нельзя так. Это все либидо, конечно, нормального секса не было у нее уже... очень давно. Женское естество не спрячешь на антресоли, к сожалению. Вздохнула.

Оказавшийся рядом мужчина вложил в руки ей два тех-самых-недопустимо-холодных яйца.

– Холодные, – все еще отворачиваясь, проговорила она.

– Так согрей, – прозвучал низкий голос над головой.

Соня глаза подняла, и ее вдруг качнуло. До чего ж красивые у него глаза! Светлое серебро с яркими искрами льдистой голубизны. Так бывает с февральском льдом, он играет всеми красками уже прошедшей зимы. И зрачки. О! Ей сейчас показалось – они вытянулись в тонкую вертикаль, разрезая лед радужки.

Дофантазировалась ты, Сонечка. Надо все это заканчивать, бедный Эндрис осип уже от твоей бестолковости.

– Эй! Вы там помните вообще, что у нас Новый год? – на кухню к ним заглянула Снегурочка. – А мы все за стол еще не садились вообще-то! А кому-то еще скоро ехать обратно. Не знаю даже кому...

Она улыбалась, а Дед Мороз тем временем слушал лекцию о детских болезнях и даже умудрялся вставлять в поток этих слов нечто эпическое, вроде: “Да! Дети страдать не должны, это важно!” или “Помню мальчика одного со скарлатиной, когда я пришел к нему на Рождество, он не мог спеть свою песенку, но сказка должна быть у всех, правда?”

– Она скоро устанет. Уже засыпает совсем, – поймав Сонин взгляд, констатировал Эндрис.

Снегурочка только рукой махнула.

– Справимся. И не такое укладывали. В честь Нового года можно ведь без умывания на ночь и прочих условностей? – Соня молча кивнула. – Отлично! Давайте хоть по Лиссабонскому времени Новый Год встретим. Раз уж Лондон с Парижем уже профукали. Прямо тут и накрывайте, гостиную мы, боюсь, теряем.

Еще раз широко улыбнулась и выскользнула обратно на поле сражения за Лесиное детское счастье.

8. Кулинарная магия

– Я... Эндрис, сколько я вам должна? – от волнения Соня снова перешла на “вы”, нервно перекатывая яйца в руках.

Мужчина забрал у нее эти два несчастных белых предмета и усталым голосом сказал:

– Брось. Ты совершенно правильно мне указала: за свои слова надо всегда отвечать. Особенно перед ними, – и кивнул на гостиную.

Шум там утихал, нежным голосом Снегурочка тихо рассказывала сказку. Новогоднюю. Леся все же ребенок. Еще очень маленький: слушала она внимательно, спрашивала, поправляла, но... верила каждому слову.

– Но я так не могу! Это же... как минимум на бензин сколько потрачено! А актеры?

– Это мои племянники. Кхм, кхм, многоюродные. Короче родственники. Я забрал их... с одного любительского спектакля. Так что... э-э-э... грим тоже не стоил вообще ничего. И весь антураж.

Он говорил, очень спокойно взбивая этот свой соус-эмульсию-майонез. Шикарный, между прочим: густой, чуть желтоватый, он даже пах очень вкусно.

– А все это? – кивнула на стол, заваленный и заставленный всякими вкусами.

– О! Точно! Я идиот. Включай быстро духовку, утка уже однозначно остыла. Противень сразу давай сюда. Женщина, ты же не думала, что Деда Морозы едят бабочек и запивают их амброзией?

– Скорее уж снегирей и поверх чистый спирт.

Абсолютно безропотно подчинилась. И даже внутреннее ее “Я”, такое обыкновенно строптивое, не противилось совершенно. Расслабилось и наслаждалось происходящим.

– Н-да. Против идиота ты не возразила. Прискорбно. Кстати, твой оливье просто чудовищен. В нем даже горошек зеленый – отравка. Никогда больше не покупай восстановленный, лучше не делать такую покупку, которую потом выкинешь в унитаз. Даже если со скидкой.

Он так просто и не обидно все это сказал. Как у него так получалось? Вроде гадость, а так прозвучало, как будто он даже немножечко восхищен ее способностью делать “чудовищные” салаты.

– Я не умею готовить. И не люблю совершенно. Какой, скажи, смысл тратить силы и время на то, что потом просто сожрут?

Вместо ответа Эндрис открыл очередной свой лоток, вытряхивая в стеклянный салатник нечто странное: похожее на отрезанные чьи-то пальцы в специях и желтоватом желе. Соня еще не успела придумать себе всякие ужасы, как он аккуратно поддел кончиком вилки один из... пусть будет “не-пальцев” и настойчиво ей в рот впихнул. Даже нагло. Соня даже понять не успела, что происходит, только послушно рот раскрыла, как птенец и...

О-о-о... Это было восхитительно! Рыба. Наверное. Изумительно, потрясающе, дайте пять, лучше десять.

– Это невская минога в пряном маринаде. Рыбка такая. Ну как?

– Язык можно проглотить от восторга.

– Вот именно. Если смотреть на еду с точки зрения способа вызвать восторг, то все сразу немного иначе, правда? А теперь мой оливье. С крабами, между прочим. И огурчики тут мои.

Это было натуральное издевательство. Пытка едой.

Когда Соня, постанывая, проглотила очередной мясной рулетик, фаршированный шампиньонами в маринаде, за спиной у них снова раздалось тихое, но очень многозначительное покашливание.

– Утка пахнет вообще-то. И это жестоко. Дед Мороз скоро растает вообще! Пока вы тут...
– Снегурочка зыркнула, усмехаясь красноречиво, отчего Соня опять смутилась. Да что с ней такое сегодня!

– Все накрыто, мы ждем только вас, – Эндрис опять, чертыхаясь, принялся протирать очки.

Сонечка оглянулась. Действительно: стол был уже сервирован, да как! Пока она восторгалась и закатывала глазки, Эндрис, словно по-волшебству, все незаметно успел.

– Чудесный ребенок! – в дверях появился веселый “Дед Мороз”, неизменно улыбчивый. Где Эндрис таких родственников набрал? Или у них всех ген очаровательной улыбчивости в семье?

– Она ведь голодная... – запоздалая материнская совесть подала голос, когда не просили.

– Вовсе нет, – сказочные гости отчего-то многозначительно переглянулись и совершенно одинаково ухмыльнулись. Порицают, наверное. – Малышка накормлена совершенно неправильно, но раз в год можно. Мороженое, конфеты, пирожные, шоколад... Не голодная – точно. Проснется утром счастливая и довольная, гарантируем. Где можно переодеться? Жарко очень, простите.

Дед Мороз застенчиво улыбнулся опять.

– В ванной, наверное. Да. Свет там включается...

– Сидите, мы разберемся. И, дядюшка, почему наши бокалы до сих пор сиротливо пусты? Эти двое развернулись синхронно и выбежали из кухни, как малые дети, смеясь.

– Они близнецы, – в ответ на недоуменный взгляд Сони Эндрис только плечами пожал, открывая бутылку шампанского. – Мы все давно привыкли, не удивляйся.

Ого. На вид и не похожи. Но так дружны и так понимают друг друга! Как будто они на одной волне. Соня вспомнила брата... Ох. Она ведь чуть не забыла, что на днях у него день рождения! Позвонит опять, парнишка вежливо выслушает ее поздравления, на дежурный вопрос: “Как дела?” раздраженно ответит что-нибудь очень язвительное. И все. Еще на год.

Посмотрела на стол. Чего там только не было! Да, Эндрис прав, такими яствами можно заесть все беды и скорби. Даже то, что почти что все блюда были мясными или, на худой конец, рыбными, их не портило совершенно.

А красиво-то как! От вида ажурно вырезанных картофельных корзиночек с селедочной начинкой у Сони аж скулы свело. Чистое эстетическое наслаждение.

Гости вернулись быстро. Особенно если учесть объем грима, который им пришлось как-то снимать. Теперь это были совершенно другие двое: молодой мужчина, белокурый, голубоглазый, веселый и очаровательная девушка, белокурая и подвижная, будто ртуть. К слову сказать, косы снегурочки были натуральными, а вот как они бороду так закрепили, что даже упорная Леся подвоха не обнаружила – непонятно. Оба примерно ровесники Сони. Веселые, сильные, такие свободные. Хотя у обоих на правой руке по кольцу. Семейные? Надо же. А какими ветрами тогда они тут? Вопросы множились и напряженно жужжали у Сонечки в голове, будто тревожные осы.

– До Парижского Нового года осталось всего пять минут. Или будем ждать теперь центральную Африку? Сан-Томе и Принсипе там, Гвинею-Бисау?

Африку ждать не решились. А потому быстро попрыгали за стол, таймер радостно запустили на громкий звук, проверили наполненность бокалов игристым шампанским (Эндрис пил ананасовый сок, он за рулем) и тихонечко чокнулись. Эти совершенно чужие им с Лесенькой люди не просто помнили, что там, в гостиной, спит чей-то ребенок. Они вели себя совершенно естественно, как будто это был их ребенок. Они разговаривали смешным шепотом, жестами, умудрялись даже смеяться бесшумно.

Так странно. В их семье никто никогда не брал в голову такие простые и очень уютные вещи. Понижать голос или на цыпочках тихо ходить, если спит кто-то рядом? Не бывало такого.

И считалось же нормальным. Соня привыкла уже, что если ты спишь, когда остальные не спят, то сам и виноват. Это всегда было правильно. До сегодняшнего дня. То есть ночи.

Соня запуталась. Шампанское как-то внезапно и коварно ударило в голову. Это все нервы! Поймала на себе внимательный взгляд Эндриса. Ужас, он наверное о ней подумает теперь невесть что! Хотя... куда уже хуже! О ней он успел узнать уже очень много всего неприятного: и бестолковая, и неумеха, и жуткая мать. Успела предстать во всей своей красе, так сказать. Он все уже видел и слова ей не сказал. Станный.

Второй свой бокал Соня выпила, лишь краем уха прислушиваясь к разговору гостей.

– Ванька неугомонный же. Я до сегодняшнего дня надеялся, что такие детки, как мой – редкость. Но эта малышка даст жару и Ваньке. Чудесный ребенок. Не дай Создатель их вместе свести, дубль будет куда круче всех Хиросим вместе взятых.

Молодой мужчина был голоден. Очень, но ел безукоризненно-аккуратно, оперируя ножом и вилкой, как продолжением пальцев. Красиво.

Поймал Сонин взгляд, прыснул и пояснил:

– Моему сыну шесть лет. Чума, должен сказать вам. Под стать вашей принцессе. Но он увлекается микробиологией и учит древние африканские языки.

Соня поперхнулась очередным кулинарным шедевром.

А этот изверг продолжил:

– Это все Дашка, жена моя. Она потрясающая. Представляете, проводить Новый год в лаборатории? У нее там сейчас эксперимент, оторваться не может еще... – он взглянул на настенные часы, тихо тикавшие над кухонной дверью, – восемнадцать часов ей осталось. Как раз я успею вернуться, поспать и накрыть праздничный стол. Хоть нормально поест.

Соня слушала и не верила своим ушам. Он так шутит? Или вообще издевается?

– Интересная у нее, наверное, работа. И платят, думаю, хорошо... – заплетающимся языком прошептала то единственное, что в голову пришло.

– Пф! Это чистое хобби, по-моему. Она там с курсантами ставит эксперимент по... – быстрый взгляд Эндриса, и чуть захмелевший молодой человек сразу осекся. – Что-то секретное. Она теперь микробиолог. Увлеклась как-то внезапно, в аспирантуру уже поступила. Умничка моя. Кстати, меня Гвидоном зовут, а сестру – Элис. Да, это мама такая затейница у нас и с фантазией. А то мы как-то и не представились по-человечески.

Имя Деда Мороза стало совсем уже жирненькой точкой во всем вышесказанном. А еще и Снегурочка сверху добавила:

– Ванька у наших родителей сейчас резвится с нашим младшим братом. Учит мелкого ругаться на суахили, – и оба они захихикали.

– А... мелкому сколько? – и зачем это ей? Для поддержания разговора, наверное.

– А год ему. Да там еще куча детей, Элька вот притащила свой выводок всем на радость. И друзья. Бабушки с дедушками только рады. Завтра посмотрим, насколько разрушен их дом.

У Сони кружилась теперь голова. Натурально. Эти двое сидели на ее кухне и рассказывали страшные сказки. У этой тоненькой и веселой девушки “выводок”, и муж (если он есть вообще, хотя кольцо было) отпустил ее шляться по дальней провинции на Новый Год по одной только просьбе Эндриса? А тот просто молча ел, о чем-то крепко задумавшись.

Все-таки ей надо что-то делать с лицом. Очень уж оно красноречиво. Мужчине одного лишь взгляда хватило, чтобы прочесть ее мысли. Вдохнул, отодвинул тарелку и терпеливо ей объяснил:

– У ребят традиция: каждый Новый год они надевают иллю... кхм, костюмы, грим и отправляются по детским больницам разносить подарки и радость. На праздники там остаются только самые сложные детки. Но до двенадцати, естественно, там никто не веселится, все же больничный режим. Так что я просто забрал их “со сцены”.

– Угу, – Гвидон дожевывал большущий кусок грудки утки. – Наши все заняты на Новый год. Я в последний раз его дома встречал... да когда Дашка была уже младшей беременная. Боялся, что снова сбежит, а ей рожать уже было через неделю.

– И ... ваши супруги как к этому? – только пьяная Соня и могла это спросить.

Все трое переглянулись многозначительно.

– У нас в семьях так принято. Таланты должны быть реализованы. Нельзя требовать от тех, кто рядом, чтобы они были, как ты. Все же разные, – Элис головой покачала, стремительно отвернувшись. Не все было просто в ее жизни, Соня остро это почувствовала.

– Чтобы детям что-то отдать, их напоить, нужно это что-то в себе накопить. Как в кувшинчике. А если из него отливать постоянно, не наполняя, то он быстро высохнет, – Гвидон посмотрел на сестру и широко улыбнулся, ей подмигивая.

– Мне нечем Лесю напоить, – повинилась вдруг Соня. – Я... ну такое. Ни рыба ни мясо. Ее всему мама учила моя, она педагог. И решила во внучку вложить все не вложенное, – гости молчали, словно приглашая ее продолжать и смотрели внимательно. Это не было жестом вежливости, ее действительно слушали. Странно и непривычно. – Я когда подросла, брат родился, потом все как-то... Борис. Муж мой бывший, рождение Леси. Понимаю, что остановилась уже давно и сделать с этим ничего не могу.

– А что же мешает? – спросила Элис с участием и очень тихо.

Соня могла бы ответить, что не дают. Это даже было бы в какой-то степени правдой. Но прозвучало бы очень трусливо. За руки ее не держит никто.

Рвано вздохнула, пожав плечами.

– Тебе просто нужно понять, чего хочешь. Возьми тайм-аут и хорошенько подумай. Единственный, кому ты еще что-то должна, это твоя дочка. Но чтобы напоить, нужно наполнить, – Эндрис окинул стол взглядом и решительно встал.

– Так, мои золотые, все ли сыты у нас? Нам пора собираться. Ребятки, с вас полный порядок на кухне, не будем хозяйку оставлять наедине со следами нашего нашествия. Я пойду подготовлю... кхм... кхм, машину. Как вернусь, сразу прощаемся и стартуем.

Взглянул быстро на Соню и опять улыбнулся. Вот как он это делает? Только она было собралась возражать, только запыхтела, а одна лишь улыбка – и все. Растворилось негодование, как туман в лучах солнца. Запрещенный прием. Или просто она уже пьяная совершенно?

Эндрис тихо выскользнул из квартиры, прихватив с собой два пустых бокса.

А близнецы споро и быстро принялись перетряхивать Сонину кухню. С ловкостью профессиональных жонглеров разложили остатки еды по вымытым лоткам, отмахнувшись уверенно от попыток хозяйки отдать всю еду им обратно.

Перемыли и перетерли тарелки, выкинули аккуратно все убогие ее новогодние блюда, те самые, с пресловутым восстановленным горошком, и даже следы замели. Им бы в клининговой компании цены не было. Аккуратные, веселые, с прибаутками. Соня сделала пару попыток помочь им, почувствовала себя неуклюжим крокодилом с короткими лапками и плюнула на эту глупую затею. Лучше им не мешать.

– Серебряков наш что-то задерживается... – Гвидон вытирал самую распоследнюю вилку, критически озирая блестящую чистотой и ставшую даже уютнее кухню.

– Кто? – Соня, уставшая от впечатлений, уже откровенно клюющая носом, последнее слово уловила отчетливо.

– Вообще-то он Сильвер, – близнецы посмотрели на нее одновременно и переглянулись. – Но... семья эта очень давно обрусела, и стали они Серебряковы.

– А он разве не ваш дядя?

Они снова переглянулись. Интересный у этой парочки способ общения.

– Нет. Скорее уж... многожурный старший брат. Хотя... Может быть, вы и правы, в нашем семействе все сложно, а Эндрис с детства с нами носился, как любящий дядюшка. Это ведь и не важно, да, как называть?

Гвидон очаровательнейше улыбнулся, и Соня сразу же вспомнила, отчего вдруг решила, что все они родственники.

У всех были носы выдающихся форм и вот эти улыбки.

– Ясно, – нужно было хоть что-то сказать.

Соня, уже сидя, засыпала, ожидание затянулось.

– А давайте я сделаю чаю. Если Эндрис задерживается, так значит, его опять выдернули. Без него же вообще никуда, – Элис подпрыгнула и по-хозяйски расставила чашки, достала из холодильника торт, большую коробку с пирожными и красивый шоколадный рулет. Все это гости привезли с собой, но сами попробовать не успели. Так что... нечего возразить.

– А я таки выйду, гляну, где там наш драгоценный. Мне бы к возвращению Дашки хотелось успеть...

Подцепив длинными пальцами, более подходящими пианисту, чем молодому военному (а судя по выправке, Соня его отнесла именно к этому племени) длинный эклер, Гвидон горько вздохнул, с сожалением глядя на торт, и ушел одеваться.

Элис осталась, задумчиво прихлебывая вкусный чай. Соня понятия не имела, где блондинка вообще умудрилась добыть эту заварку, но напиток и согревал, и радовал, и дарил удовольствие.

– А он вам нравится? Сильвер? – тихий голос прозвучал неожиданно.

Сонечка поперхнулась. Чуть из носа не выплеснула фонтан. И как-то сразу она поняла, что речь шла не о чае.

– Не... не знаю. Он какой-то нереально весь правильный. И... понимаете... не нужно. Я ведь только-только развелась. И вовсе не потому, что муж у меня плохой был, нет. Он тоже очень хороший и правильный, просто образцовый. Все делал для нас с Леськой. А я, как оказалось, ничего ему дать не могу, того, что мужчинам нужно. Так что... какая разница, кто мне нравится? Все равно ничего из этого не выйдет, да я и не хочу.

– А что мужчинам нужно? – приподняла светлые брови Элис. Не насмешливо даже, а скорее внимательно и сочувствующе. И с искренним любопытством.

– Поддержка? Тыл? Жилетка, чистота и домашняя еда три раза в день?

Все, что жизненный опыт ей дал, перечислила.

Элис вздохнула, белой и тонкой ладонью подперев скорбно щеку.

– Нда... Случай тяжелый. Лечится хирургически. А чего там с любовями? Ни разу не прозвучало у вас это странное слово.

– Может, на «ты» перейдем уже? Мы вроде бы даже ровесницы.

Белокурая бестия усмехнулась опять, оценив способ замять тему, и кивнула.

– А любовь – она о быт разбивается. Рано или поздно, – жестко сказала Соня вдруг, утирая непрошеные слезы. – Я Бориса очень любила. Но себя, видимо, люблю больше. Я эго-ис-тка, вот. А он все равно козел. Он картины мои выкинул, представляешь? Вообще все.

– Тоже ведь хирургия. Своего рода. Да. Но когда ставят перед выбором: или сама ты, такая, как есть, или любовь... То чувствами тут и не пахнет. Любят не правильных, безупречных и очень полезных. Любят как раз совершенно иначе. Вопреки, а не за что-то.

В голосе Элис звучало такое... очень острое. Девушка явно прошла сложный путь к этому выводу и точно знала, о чем говорила.

Да уж. Девочки друг друга отлично поняли.

Раздался звук открываемой двери, и на пороге возник тот самый, которому уже, наверное, сильно икалось.

У него точно что-то стряслось: общий вид был решительно-злой и ужасно взъерошенный.

– Андр? – Элис тут же вскочила. – Стряслось что?

– Папаня твой полон идеями, как обычно. Быстренько одевайся, и мы выезжаем, – перевел взгляд на Соню и как-то сразу смягчился: – Я оставил там для вас с Лесей подарки. Чур, до утра не подглядывать. И... спасибо. Я давно себя не ощущал так... – рукой махнул, обрывая попытку Сони что-то ответить, еще раз кивнул и стремительно вышел.

Элис, заворачиваясь в принесенный им пуховик, хитро прищурилась вслед.

– Хм... Отец, говорите? А ведь это идея! Да! Соня, еще раз спасибо, и не возражай, мне есть, за что благодарить! А! Вот, чуть не забыла. Это маленький подарок Лесеньке от меня лично. Простенькая безделушка, но мы, девочки, любим такое. Приятно было познакомиться!

На ладони у хозяйки дома сверкнул серебром тоненький браслет с подвеской в виде дракона. Красивый, изящный – слишком дорогой и хрупкий подарок для маленькой неугомонной девочки.

Соня только рот открывала беспомощно, словно рыба. Да что это с ними со всеми? Привезли кучу потрясающей еды, им с Лесей хватит еще на неделю, ребенку устроили праздник, она всю жизнь теперь будет о нем вспоминать, потом хорошо посидели. И благодарят ее теперь? Странные какие люди!

Проводила молчавшую и загадочно сверкающую глазами блондинку и дверь за ней заперла. На все замки и задвижку, словно отрезая себя, наконец, от этого непонятного и суматошного мира.

Совершенно забыв про подарки, упала без сил на диван и уснула, крепко и без сновидений.

9. Борис

Борис появился, как обычно, без звонка и предупреждения. Пришел, будто к себе домой. Соня прекрасно понимала, что он так и не смирился с разводом. Не поверил, что она всерьез решила жить без него. Даже вещи его лежали аккуратными стопками в шкафу, ботинки стояли в обувнице, а любимая чашка занимала крючок на кухне.

Разве что полотенца Соня все лишние убрала и бритву с шампунем.

Он был привычным, почти родным: в той самой модной дубленке, которую они вместе купили в прошлом году, как всегда: без шапки, заснеженный, серьезный, даже сердитый. Соне пришлось выйти ему навстречу – хоть она и не хотела его больше видеть.

А все же, наверное, она немного скучала... во всяком случае, Соня думала так до тех пор, пока он не открыл рот.

– Здравствуй, Софья, – сказал бывший муж, снимая ботинки и ища глазами тапочки сорок третьего размера, которые Соня демонстративно выкинула в первый же день после развода. Не нашел, конечно, поморщился, осторожно прошел в кухню, ворча: – Как всегда, полы не мытые. Зима же, надо каждый день протирать.

“Тебе надо, ты и протирай”, – подумала Соня, но, конечно, промолчала. Она вообще этой сезонности не понимала. Мыть надо, если грязно уже, например. И уж точно не потому, что “зима – значит надо”.

На кухне смотреть было не на что. Даже старания Элис с Гвидоном не смогли скрыть ужасного: на полированных дверцах кухонного гарнитура виднелись отпечатки маленьких детских ладошек, а луковые мошки весело кружились над мусорным баком. Соня поморщилась. Ей было стыдно, но поделаться с собой она ничего не могла.

– Снова заказывала готовую еду? И не стыдно этой гадостью Лесю кормить? – укоризненно поинтересовался Борис, кивая на немый лоток из-под очередного Серебряковского деликатеса. – Денег тебе хватает на доставки?

Денег не хватало, но Соня лучше умрет, чем признается в этом. С деньгами вообще был полнейший напряг. К тому же Лесина учительница английского вчера сообщила, что поднимает цену занятия сразу на пятьдесят процентов. Дескать, кризис.

А мама Таня попросила купить список книг, справочников и различных энциклопедий, старые они с Лесей знали едва ли не наизусть.

Словом, денег не было совсем, но скоро на карточку придут алименты, и Соня планировала их тратить с умом.

– А Леся где? Поди родители твои забрали, да?

– Борис, что тебе нужно? – Соня очень старалась не выходить из себя и не орать.

– Ты не забыла, какой завтра день?

Конечно, забыла. Даже вспоминать не хотела. Завтра, пятого января, день рождения у великой и ужасной Альбины Виленовны Кошкиной. Но какое теперь Соня имеет к этому отношение?

– У мамы юбилей, пятьдесят пять лет.

– У моего брата завтра тоже день рождения. А ты и не вспомнил. Передай ей мои поздравления, сам что-нибудь лестное ей там наври. Звонить ей не буду, уж извини. Так зачем ты пришел?

– Мама ничего не знает о разводе, я ей не говорил. У нее слабое сердце, ты же знаешь. А Леся – ее единственная внучка.

Соня даже глаза вытаращила от такой простоты. Это на что же он намекает сейчас?

– Папа? – раздался неуверенный голосок дочери. Она стояла в дверях кухни в майке и пижамных штанах, конечно, растрепанная и с книгой подмышкой. – Ты пришел!

Она уронила книгу и прыгнула к отцу, обняв его.

– Папа, а ты почему в Новый год не позвонил? А где ты был, ну, в командировке? А подарок принес? А ты обещал меня в планетарий сводить, когда мы пойдем?

Соня нахмурилась и прикусила губу. Подарки? О чем это Леся? Борис никогда не утруждался, даже в лучшие годы их брака предпочитая от жены откупаться деньгами. А подарки для дочери всегда выбирала Соня или ее родители.

Даже чужие, в сущности, люди – Эндрис, Гвидон и Элис – пришли к ней в дом не с пустыми руками.

“Дед Мороз” ей подарил целую кучу конфет и большую коробку полную книжек, да каких! Роскошные сказки с потрясающими иллюстрациями, красивые, как игрушки. Даже холодный и сдержанный Эндрис им оставил подарки: Соне – коробку пастели (которую, она, впрочем, так и спрятала в стол, даже не открыв), Лесе – большую книгу с интригующим названием “Жизнь растений”. Еще браслетик от Элис. И, конечно, был праздник, подаренный Лесе совершенно чужими людьми.

А родной отец, как обычно, и не подумал принести дочке хотя бы шоколадку. Соне было отчаянно за него стыдно, но выручить его она даже не подумала.

А что до “не позвонил”...

– Так вы в санатории были, а там связь плохая, – пояснил Борис, к счастью, не подозревавший, что Соня попросту внесла его номер в черный список. – Кстати, как отдохнули? Тебе понравилось?

– А... – Леся кинула внимательный взгляд на покрасневшую мать и неуверенно улыбнулась. – Понравилось. Мы там на лошади катались. И на снегоходе. Весело. И кормили там вкусно.

– Вот и славно. Ты иди поиграй, нам с мамой нужно поговорить. Кстати, ты завтракала сегодня? Обедала?

– Мы вчера у бабушки Тани ужинали, – зачем-то сообщила девочка и смутилась. – Ну я пойду.

Соня тяжело вздохнула. Ох, и хорошо она знала своего бывшего мужа! Теперь начнется!

– Софья, когда я позволил тебе оставить Олесю с тобой, я рассчитывал, что ты будешь о ней заботиться, как нормальная мать.

– Я забочусь.

– Я вижу. Дома я вижу бардак, нормальной еды тоже нет, Олеся явно голодная.

– Она не голодная. И теперь это – не твое дело.

Но Бориса было уже не остановить.

– Софья, ты посмотри на себя. Ты же сама как ребенок. Маленький ребенок. Какие-то рисуночки эти дурацкие, какие-то виртуальные друзья. Ничего не умеешь и даже не пытаешься.

– Борь, иди в задницу. Ты мне не муж, нотации твои мне не нужны.

– Так, дорогая. Нормально жить, как я понимаю, ты не хочешь. Вот возьму и заберу у тебя дочь, чтобы ты подумала хорошенько о своем поведении.

– Нет! – вскинулась Соня. – Не посмеешь!

– Да. Я отец, я имею право. Ты – никудышная мать. Дома сидишь, а ребенка даже покормить нормально не можешь, я уж молчу про воспитание.

– Как будто ты можешь, – бросила Соня зло. – Дома только по ночам бывал, даже в выходные работал. Ни разу с Лесей не гулял даже. Когда я болела – ее мои родители забирали!

– Я работаю, рыбка моя. Чтобы вас содержать. Чтобы ты могла в кафе еду заказывать и ногти себе делать. И по санаториям кататься.

– Санаторий мои родители оплатили!

– Конечно. Только на такое дерьмо им денег и хватило. Вот чего тебе не хватало, Софья? Секса? Денег? Свободы? Неужели так сложно было мыть полы и готовить мужу ужин?

– Я мыла и готовила.

– Раз в неделю.

– Сколько успевала.

– Я знаю, что не удовлетворял тебя в постели, – Борис сокрушенно покачал головой. – Надо было просто сказать, а не бегать по мужикам!

– Я не бегала!

– Ну да, конечно. Я видел твои рисуночки. Голые мужики, голые женщины... бездарность и пошлятина.

– На эту тему мы уже разговаривали, – устало ответила Соня. – Для выставки были подготовлены совсем другие картины.

– Ты можешь все вернуть обратно, Софи. Я все еще тебя люблю. Устроишься на нормальную работу, начнешь прибираться, займешься ребенком. Просто попроси прощения за все.

– За что за все? – Соня изо всех сил сдерживала слезы свои накопившиеся, стремительно перерастающие во внутреннюю истерику.

– За чужих мужиков и развод, дорогая. Я даже разрешу тебе рисовать...

– Пошел вон отсюда! – сорвалась, наконец. А и так молодец, очень долго держалась. – Заткнись и проваливай! Вон! Видеть тебя не могу!

– Из моей же квартиры выгоняешь? – прищурился совершенно спокойно Борис. – Ну-ну. Я-то уйду. А ты подумай над своим поведением... пару дней. Олеся, значит, пока со мной побудет.

– Слушай, Кошкин, если ты пришел, чтобы со мной поругаться...

Он вдруг остановился и замолчал, с сокрушенным видом качая головой.

– А ты ведь права, родная. Вот до чего ты меня довела. Я совсем забыл. Значит, у мамы завтра юбилей, я заеду за вами с Лесей в пять.

– Ты с ума сошел? Думаешь, после всего, что ты мне наговорил, я пойду к твоей матери?

– Пойдешь, милая. Иначе я... Подам в суд на опеку над дочерью. Как думаешь, кто его выиграет? И как быстро? Ты бы головой своей думала, прежде чем дергаться, дорогая. Я вообще как бы все еще вас содержу.

Соня на дух не выносила свою высокоинтеллектуальную и очень воспитанную свекровь. Та отвечала невестке полнейшей взаимностью. Ну еще бы – родители Сони аристократическими происхождениями не блистали: отец – таксист, а мама – учитель математики в школе. Не академики, не большие начальники, даже не москвичи в "не помню каком" поколении.

Совершенно никчемные, мелкие все людишки, недостойные генофонд славного рода Кошкиных в потомках собой засорять.

Но Борис Соню любил, у них родилась такая замечательная и очень одаренная Леся, и Альбина Виленовна ненавидела невестку как бы цивилизованно. Вежливо очень.

В чай ей не плевала, матом не костерила и даже практически не унижала в беседах.

Так, как бы между делом жалела лишь "нашу бедняжку Сонечку". Бедная девочка не умела готовить, била посуду отчаянно и вообще от идеала была далека. Что поделать: от осинок не родятся апельсинки, остается убоженькой Сонечке лишь посочувствовать.

Но эти все мелкие пакости бледнели в сравнении с пылкой и громкой любовью Альбины Виленовны к Катеньке. Этот мифический персонаж их семейных сказаний был дочерью лучшей подруги, и за годы Сонечкиного супружества она у нее очень крепко увязла в зубах...

Уж та-то была умница, красавица и великолепная хозяйка. Жаль, что Борис не послушался маму, хотя та всегда желала ему только добра, и выбор сделал фатально-неверный.

Соня, собираясь на юбилей, мрачно думала, что свидетельство о расторжении брака, перевязанное розовой ленточкой, стало бы самым лучшим подарком для ее бывшей свекрови. Жаль, что Борис настрого запретил даже заикаться о разводе.

– Леся, ты все запомнила?

– Мам, ну я же не маленькая. С бабушкой не спорить, про развод молчать, вести себя хорошо и не говорить, что ее еда – гов... невкусная. Особенно по сравнению с Андрисовой. – И еще сказать: “Ой, бабушка Аля, как ты хорошо выглядишь в свои шестьдесят лет”.

– Пятьдесят, Леся, пятьдесят!

– Какая разница? Ей ведь все равно пятьдесят пять. А если сказать “шестьдесят”, то получится, что она выглядит не на пять лет моложе, а на пятнадцать!

Соня только фыркнула, закатывая глаза. У дочери была своя, особенная логика. Ну и пусть говорит, что хочет, она, Соня, точно не расстроится, глядя на перекошенную от тихой и вежливой ярости на физиономии свекрови.

10. Кукла Катя

Квартира у Альбины Виленовны была, наверное, похожа на Шереметьевский дворец. Или на этнографический музей с выставкой “Роскошь дворянского быта”.

Как уверяла Кошкина, род ее был очень древним. С истоками из тех самых времен, когда всякие Рюрики в шкурах ходили.

Разговаривать на эту скользкую тему с Альбиной Виленовной было опасно для жизни: ее заносило в такие глубины, откуда всегда был риск не вернуться совсем. Особенно Сонечку умиляла уверенность в некой причастности к легендарному боярскому роду. Документов, сие подтверждающих, не было никогда, нить истории этой семьи вилась тонкой веревочкой по купеческим кабакам и рабочим поселкам. Но разве это имело какое-то значение?

А потому и квартира у Альбины Виленовны была оформлена помпезно и вычурно: с лепниной у потолка, позолотой, тяжелой резной мебелью и репродукциями известных художников в багете. На самом почетном месте красовался герб этой утерянной ветви рода Кошкиных, между прочим, когда-то нарисованный Соней: с рыцарем, короной и белым драконокотом на красном фоне.

Забавно даже, что свекровь ему по-настоящему обрадовалась когда-то. Еще в те далекие времена, когда Соня верила, что они с Борисом предназначены друг для друга свыше, и готова была радовать не только любимого мужа, но и его мать.

Соня всегда остро чувствовала свое несоответствие этой квартире, не любила вообще тут бывать и старалась придумать предлог, чтобы в гостях и не появляться.

Ну не было у нее ни узких платьев в пол, ни бриллиантов, ни врожденного аристократизма. Обыкновенная она баба, Соня Орехова-Кошкина: и фигура не точеная статуэтка, и профиль отнюдь не римский, и волосы не кудрявы, и даже глаза не навывкате, как на портрете Александра Первого (портрет, кстати, тоже на стене в квартире Кошкиных висел).

Словом, невестка, теперь уже бывшая, Альбину Виленовну категорически не устраивала: ни рыба ни мясо. И даже красный диплом местного вуза и рождение внучки-вундеркинда не смирили боярыню Кошкину с печальной действительностью.

Совсем другое дело – Катюша! Вот та могла Бореньке стать идеальной женой. Полный Сонечкин антипод – жгучая брюнетка, стройная и длинноногая, как газель, с огромными черными глазами и выдающимся носом, откровенно напоминающим об армянских корнях.

К тому же, в свои тридцать два Екатерина была уже главным бухгалтером, да не где-нибудь, а в центральной районной поликлинике. Против такого козыря была бы бессильна даже самая головокружительная карьера. Ибо связи в поликлинике для пенсионерки – это святое.

Словно этого было для Сонечки недостаточно, у “дочери маминой подруги” был целый букет очевидных достоинств: она была великолепной хозяйкой, прекрасно готовила, помогала матери на дачном участке и, о ужас, пекла вполне съедобные торты.

Результат ее нелегких трудов сейчас возвышался в центре стола, и даже пристрастная Соня была вынуждена признать: великолепен. Леся же, как увидела это чудо кондитерского искусства, замерла восторженной белочкой и захлопала в ладоши.

– Ой, а его точно есть можно? – тут же спросила она, немало позабавив собравшихся чинно гостей.

Соня всех знала отлично, и глаза бы ее их не видели. Всех. И Ольгу Геннадьевну с невзрачным и безымянным мужем, и ее дочь Катю, и Матвея Францевича – проректора местной технологической академии с какой-то-там по счету супругой. Видимо, в честь великого юбилея были приглашены еще две незнакомые Сонечке тетеньки предпенсионного возраста, ярко накрашенные и молодящиеся.

– А ягоды настоящие? А рожок? Это что, рог изобилия, да?

– Да, мой хороший, – доброжелательно и очень мило улыбнулась Катя Олесии. – Ты знаешь легенду про Зевса и его козочку, радость моя?

– И про Кроноса, поедающего своих детей? – тут же оживилась девочка. – Кто ж ее не знает?

Соня про себя подумала, что вот она, дура почти деревенская, необразованная и бесперспективная совершенно, древнегреческую мифологию помнит местами и смутно. А Катя, всегда ее раздражавшая, действительно идеальная кандидатура на роль новой Борисовой жены.

Они бы и вместе отлично смотрелись: крупный и представительный Боря, стремительно уже лысеющий и брюшко отращивающий так же быстро, и миниатюрная Катерина. Альбина Виленовна, очевидно, с Соней была в кои-то веки солидарна:

– Ах, Катенька такая умница! У нее ведь два высших образования: экономическое и филологическое. Кстати, она помогала мне готовить! Ведь дочери у меня нет...

Соня мысленно с ней согласилась. Катю, между прочим, ставили ей в пример с первого дня замужества: дескать, вот какая девушка, и куда только Боренька смотрел... А смотрел Боренька, очевидно, в светлые глаза своей супруги и на ее совершенно естественный полный третий размер груди. Хотя бы в этом Соня плоскогрудую Екатерину обскакала.

– Ой, Олесия, у меня ведь для тебя подарок, – всплеснула руками чернобровая нимфа. – На новый год. Чуть запоздалый, но это неважно, наверное.

Показалось ли Соне, или в Катиных темных глазах натурально мелькнул какой-то хищный и недобрый совсем огонек?

Что ж, она всегда подозревала, что дочь маминой подруги имеет на Бориса планы, что ни на есть самые матримониальные. А к Олесе, видимо, Катя подмазывается, как к будущей падчерице?

Как же смешно это все... Смотрелось, как самый бездарный спектакль. Но к счастью, Соня теперь на нем чувствовала себя только зрителем.

Все! Флаг ей в руки и барабан на шею, и пусть забирает Борюсика.

Из пакета была торжественно извлечена большая фарфоровая кукла, странно похожая на саму Катю-дарительницу: черные кудри, черные же глаза, алые улыбающиеся губы. И платье – роскошное, бархатное, в пене белых кружев.

Чудо, а не кукла, Соня оценила. Но умница-Леся кукол никогда не любила, и ее злорадная мать предвкушала детскую реакцию очень далекую от восторга.

Но она снова ошиблась.

– Ой, какая она красивая! – защебетала Леся. – Словно живая! Я назову ее Катя, в честь вас.

Екатерина польщенно улыбнулась, Альбина Виленовна умиленно сложила ручки на плоской груди, Борис внимательно и благодарно поглядел на Катю, кажется, оценив не только ее щедрость, но и глубокий разрез черного шелкового платья, выгодно подчеркнувший и крутость бедра, и стройность ног.

Пусть оценивает. Может, найдет себе новый объект для настойчивых вздыханий.

А дальше все было ужасно уныло и даже тоскливо. Традиционно, короче.

Пили красное вино (кислятина жуткая), восхваляли виновницу торжества, ковырялись в белесых майонезных салатах, обсуждали нынешних выпускников ВУЗа (Соню вспоминали добрым словом, Лесе прочили в будущем губернаторскую стипендию). Борис трогательно и навязчиво ухаживал за “женой”, раздражая своими порывами сразу трех женщин.

Единственной светлой нотой на этом вечере был торт, и в самом деле великолепный, нежный и с натуральными ягодами.

– Только не надо нас провожать, я вызову такси, – гневно прошипела Соня, не сумев увернуться от рук бывшего мужа, накинувших ей на плечи куртку. – Довольно вранья и притворства!

– Я не доверю свою женщину и дочь незнакомому мужику, – в ответ зло шепнул мужчина. – Мало ли какие маньяки ездят. Да и тебе, моя дорогая, доверия мало.

– По-твоему, я вешаюсь на всех без разбора?

– Ну, видимо. Учитывая, сколько набросков голых тел я видел...

– Это всего лишь искусство! Как оно связано с моей нравственностью?

– Прямо связано, Софья. Ты на них смотрела. Признайся, тебе это нравилось – глазеть на обнаженных мужиков?

– Очень нравилось, Кошкин, – устало ответила Соня, подхватывая руку дочери. – И развелась я с тобой для того, чтобы заниматься этим как можно чаще. Все, прощай, мы дойдем сами. Иди вон... Катю проводи до дома. Ей на другой конец города.

– Мне наплевать на Катю, а на вас с Лесей нет. Садись в машину, Софья, и прекрати эту истерику!

Никакой истерики у Сони не было, во всяком случае, пока. А вот Борис уже опасно повышал голос, и вышедшие вместе с ними из подъезда друзья Альбины Виленовны уже начинали оглядываться.

Пришлось садиться в машину, проигнорировав нагло открытую пассажирскую дверь на переднем сидении, усаживаясь на максимально возможное от водителя расстояние.

Какой отвратительный день! Ее теперь еще и укачивало, и плотный ужин просился обратно, отвечая городским ухабам и дворовым кочкам.

Соня ненавидела теперь все и вся: и Бориса, и его мать, и салаты, и местные дороги, и куклу эту мерзкую, что Леся не выпускала из рук. Ни к одному подарку матери она, кажется, не относилась с таким трепетом.

– Я буду с ней спать, – заявила девочка, и Соне со страшной силой захотелось вырвать у нее из рук куклу и выкинуть в окно. Не подозревая о буре в душе у матери, Леся нежно продолжила: – Попрошу бабушку Таню связать Кате зимний костюмчик, ей же холодно!

А ведь Леся никогда раньше не одушевляла игрушки!

Ревность.

Соня хорошо знала это чувство. Когда-то она ревновала мужа, потом дочь, не позволяя никому брать ее на руки. Пережила, научилась делиться, усвоила, что такие дети, как Леся, принадлежат целому миру. Ну, или весь мир принадлежит им. Но сейчас она вновь ревновала, теперь уже к этой проклятой кукле. Знала бы, что дочка вот такотреагирует – завалила бы ее куклами, самыми разными.

Никудышная она все же мать!

С этими мрачными мыслями Соня поднималась в лифте домой.

Зато, глядя на ее недовольное лицо, Борис даже не заикнулся о том, чтобы зайти на чай или забрать какие-то свои вещи. А ведь хотел, и она это чувствовала. Но, кажется, вовремя вспомнил, что даже мягкая и уступчивая Соня может выйти за рамки пределов терпения.

Один раз он уже довел ее до этой грани, и она сорвалась, теперь нужно было дать ей успокоиться.

Все это Борис говорил бывшей жене не раз и не два. Он был твердо уверен: она простит, одумается, придет в разум.

Соня порой испытывала подобное искушение: так просто было подчиниться и вернуться под теплое крылышко, где не надо ничего решать – все решат за тебя, где не нужно думать, мечтать и творить. Просто делать то, что от тебя ждут, и будет награда. Как собачку ее Борис дрессировал. И сейчас тоже пытается. Только пряники кончились, в ход пошел кнут: угрозы отобрать ребенка, не давать денег и прочее. Интересно, что дальше? Попросит освободить квартиру, купленную вообще-то еще до брака с Соней? А почему бы и нет? Если Катя сможет его заполучить, надо же им где-то жить? Вроде как, дочь маминой подруги своей жилплощади не имеет, где-то снимает...

Леся уже мирно уснула (конечно же, снова на большой кровати) с куклой в обнимку, а Соня все расхаживала по комнате нервно. Она словно на миг вернулась в прошлое, в тесную картонную коробку, из которой с таким трудом выбралась. А ведь она не хочет больше так жить! Пусть ее новая свобода была еще такой хрупкой, такой эфемерной, пусть она только училась быть самостоятельной, зато впервые в жизни ей можно было ни на кого не оглядываться. Соня ведь совсем никогда не жила одна. Сначала за нее все решала мать – замечательная женщина, нежно любимая Соней, но очень строгая и властная. Она покупала дочери одежду, выбрала вуз и специальность, одобряла или не одобряла друзей, а потом выдала замуж из рук в руки. И ничего не изменилось, просто все решать за Соню стал муж.

Теперь же все поменялось. Борис хотел, чтобы его жена повзрослела – и она стремительно начала этот процесс. Больно и сложно, но он был прав: пора. В конце концов, ей уже давно не восемнадцать, а вполне зрелые двадцать семь лет. А это значит, пришел час выбираться из уютного теплого кокона и расправлять свои крылышки. И начинать нужно с работы, наверное, чтобы лишить Бориса еще одного рычага воздействия – финансового.

11. Бойся своих желаний

Легко было сказать: найти работу! Да где ж ее, проклятую, найти, когда у тебя на руках ребенок? Сначала нужно устроить Лесю в детский сад, а это дело невероятно сложное. Соня честно залезла в интернет, искала какое-то занятие по удаленке или на дому и в сердцах бросила телефон на подушку. Была бы она бухгалтером, можно было бы заполнять какие-то финансовые документы. Для программиста тоже работа имелась. А ей с инженерным дипломом и полным отсутствием опыта дорога была открыта только на завод, но график Соню совершенно не устраивал.

К тому же в их маленьком подмосковном городке большой завод был только один – именно тот, на котором работал Борис. Конечно, должность у бывшего Сониного мужа была ого-го какая, вряд ли ей бы довелось с ним пересечься «по службе», но даже эта крохотная вероятность девушку откровенно пугала.

Уж очень хорошо она знала упрямство и упертость Бори: если тот чего-то захочет, то непременно воспользуется всеми доступными рычагами давления, в том числе и служебным своим положением.

Нет, завод мы из списка вычеркиваем.

Что остается? Устроится куда-нибудь уборщицей – мыть подъезды или офисы? Дворником? Официанткой в ночную смену? Лесю в таком случае можно было бы оставлять у бабушки с дедом. Наверное, не самый плохой расклад, но не приведи Господи, узнает Борис – точно будет очередной скандал. Тогда он и в самом деле отберет у Сони дочь!

Был, конечно, еще один вариант... Работа художника. Соня давно мечтала освоить не только холст, акварель и темпера, но и графический планшет с редакторами. Кое-какие начальные навыки у нее были еще со времен института, в интернете полно бесплатных курсов, главное – начать.

А вот начать она и не могла.

После памятной выходки Бориса, в одночасье в сердцах уничтожившего все то, что так трудно и долго рождалось стараниями Сони-художника, эта тонкая шестеренка сломалась.

Лопнула та самая струна, которая пела в ее душе, когда Соня творила. А без этого тихого звука внутри ничего вообще не получалось. Даже простенький самый набросок, эскиз крутого профиля и серебряный абрис очков на горбатом носу. А ведь тут нужно только две гелевые ручки и лист бумаги...

– Мама, мы с Катей голодные!

С Катей. Р-р-р! Леся носилась с этой дурацкой куклой, как с писанной торбой! Даже в туалет с ней в обнимку ходила и вслух ей читала. А у Сони фарфоровая красавица вызывала отвращение и какой-то потусторонний ужас, несмотря на миловидность. Соня и сама не смогла бы объяснить, почему она так ненавидела безобидную, в общем-то, игрушку, но даже и прикоснуться к ней было противно.

Кукла как кукла, дорогушая, очевидно. И нет, на ее дарительницу Соня совсем не сердилась, наоборот, желала Екатерине всяческих успехов на поприще охмурения Бориса Кошкина.

Чем скорее бывший муж забудет Соню, тем будет лучше для всех.

– Бутерброд с колбасой вас с Катей на завтрак устроит? – процедила Соня хмуро. – Или яичница?

– Яичница, – милостиво согласилась дочь. – Да, Катя? Мы хотим глазунью.

Соня стиснула зубы, чтобы не сорваться. Леся важно уселась за кухонный стол, куклу сажая на табурет рядом. Несмотря на безжалостную эксплуатацию, фарфоровая красотка потрепанной не выглядела, наоборот: невинно улыбалась, глазела на хозяйку дома своими страшными черными глазницами и каждой безупречной оборочкой платья, словно упрекала

Соню в неряшливости. Дома девушка не заморачивалась, разгуливая босиком, в пижамных шортах и старой растянутой футболке.

Первое яйцо плюхнулось на сковородку, зашипело и расплылось безобразной кляксой. Второе Соня попыталась расколоть более аккуратно, но зазвонивший вдруг телефон заставил ее дернуться. Что ж, Леся и Катя получают на завтрак традиционное грузинское блюдо “Жри-чодали”, а не эти ваши глазуньи. Ну извините, все вопросы к бабушке Тане.

Сонина матушка была, как обычно, лаконична и бескомпромиссна.

– Леся, я сегодня заберу, папа будет у вас через час. Взяла билеты в театр на “Снежную королеву”.

– Мам, я тоже хочу в театр, – пробормотала Соня, придерживая плечом телефон возле уха и накладывая некрасивую яичницу в тарелку с бабочками.

– Я взяла только два билета, а потом у нас с Лесей занятия. Все, хватит лодырничать. Переночует она у меня, я сварила борщ.

На слове “борщ” девушка сдалась. Борщ – это просто запредельный аргумент, Соне даже крыть нечем.

– Хорошо, мам. Леся будет готова через час.

Вздыхнула тревожно, потеряла виски. Ее знобило – верный признак надвигающейся мигрени. Пожалуй, мама как нельзя более вовремя. И что с того, что она, как обычно, не спросила у взрослой дочери о ее планах, а просто поставила перед фактом? Сегодня все было как нельзя более кстати.

– Я это есть не буду, – внезапно заявила Леся, отталкивая от себя тарелку. – Я просила глазунью, а не вот это месиво.

– Другого завтрака нет и не будет.

– Так закажи из кафе.

– Леся, ты как с матерью разговариваешь?

– А ты как разговариваешь с дочерью? Я, между прочим, тоже человек и имею право на собственное мнение.

Ох! Олеся явно закусила удила. Да уж, папина дочка. Это бывало нечасто, но всегда не вовремя, а противостоять ей мягкая Соня не умела.

– Хорошо, поешь у бабушки, у нее есть свежий борщ.

– Ура, борщ, борщ! – закричала Леся и выскочила из-за стола. – Мне нужно собрать рюкзак! Обязательно возьму с собой эту новую книгу, о жизни растений, бабушка еще ее не видела.

И исчезла.

Соня обессиленно опустилась на табурет, подцепив вилкой нетронутую яичницу. Действительно, ерунда получилась. И, конечно, она забыла ее посолить. Невкусно.

Ее внимание привлекла забытая кукла. Как-то злобно она блестела своими глазками, и выражение лица такое... брезгливое. Или это только казалось? А еще на шее у игрушки сверкал тонкий серебряный браслетик с драконом, подаренный дочери Снегурочкой-Элис. Нашла куда повесить такую ценную вещь, на шею этой... твари!

Соня потянулась было к кукле, но вдруг отдернула руку. Отчего-то сделалось жутко. Ничего, вот Леся заберет дед, а мама ее эту дурацкую куклу закинет на антресоли. Леся поплачет и забудет, всем станет легче.

– Мама, я готова! – девочка влетела в кухню уже одетая, с рюкзачком за плечами, даже в ботинках, только без куртки и без шапки. – О, Катя! Чуть ее не забыла!

И потянулась к кукле. Что руководило Соней в тот момент, какие силы толкнули ее под руку? Резко поднявшись, она словно невзначай задела локтем злополучную куклу и... уронила ее на пол с высокого табурета. Фарфоровой головой вниз.

А дальше все было как в страшном сне или в дешевом кино со спецэффектами: горестный крик Леси, расколовшееся пополам лицо Кати, вдруг повалившийся из куклы черный маслянистый дым, мгновенно залепивший Соне нос и рот.

Она едва успела схватить самое ценное – дочь – прежде, чем отключиться.

12. Абонент недоступен

– Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети. перезвоните позже.

Как же Эндрис ненавидел эти женские голоса! Так бы и... ладно. На девушку-оператора, давшую записать когда-то свой голосок, злиться было бессмысленно.

Куда они подевались опять? И какое ему вообще опять дело до этой безумной Софьи и ее беспокойной дочки? Он знал. И даже себе уже самую малость сознался.

Ему очень понравилось быть для них добрым волшебником. Видеть искорки восхищения в детских глазах и оттаивающий понемногу взгляд Сони.

Все его окружающие: друзья, боевые товарищи, многочисленные родственники, коллеги, начальство давно и надежно сплелись в один узел закрытого мира. Мира, в который никого постороннего не впускали.

Профдеформация.

Здесь все привыкли к нему, точно знали, что стоит позвать невозмутимого Сильвера, и сразу все станет понятно, организовано и спокойно. Он любой хаос разложит по полочкам, заставит работать любой коллектив.

Как говорил его близкий друг и начальственный родственник, легендарный Ладонис Лефлог: “Отправьте Сильвера в преисподнюю, и там грешники сразу начнут в ногу строем ходить”. Нет, он совсем не был солдафоном. Но символом слова “порядок” для всех окружающих был. А теперь эта внезапная командировка сроком в целую неизвестность! Ладон явно и сам был не рад, подписывая новый приказ о его назначении. Все были не рады.

Как они справятся тут, и без Эндриса?

– Это был восемнадцатый кандидат, или я ошибаюсь?

На стол элегантно присела очень красивая женщина. Высокая, статная брюнетка с умными чуть раскосыми глазами и роскошью гладких темных волос. Мужчина вздохнул. Только она его и понимала, похоже.

– Маргарита Вик...

– Маргарита. Андрюш, прекрати это все. Что здесь происходит?

Он громко выдохнул, потер спинку породистого носа, сняв очки, и стал судорожно их вытирать специальной салфеткой. Очки были отобраны вместе с салфеткой. Отмазаться не получится. Если уж сама Маргарита пожаловала – шансов нет.

Поджав укоризненно губы, осмотрела внимательно стекла, головой покачала. Можно подумать, он был виноват в этих бракованных свойствах!

– Меня не устраивают совершенно все претенденты! – уверенно сказал, глядя в ее глаза подслеповато.

– Нда? А скажи мне, зачем секретарю ректора знать устройство печатной машинки “Ятрань”?

– А вдруг электричество отключат? – Эндрис отважно забрал очки и воинственно задрал подбородок.

Маргарита в ответ улыбнулась. И посмотрела внимательно, прямо как... как на капризных и бестолковых деток смотрят любящие родители.

– Дружок, она электрическая. А на случай, когда все сломается, есть ручка и пальчики. И не надо вытряхивать из претендентов на твой секретарский трон признания во всех несовершенных грехах. Ты же сам долгие годы мечтал поработать в профессии. Ты же ученый. Ну?

– Вы без меня пропадете! – прозвучало неуверенно.

– Ведь дело не в этом, да? – а вот это куда ближе к делу.

Сильвер тяжело вздохнул. Можно ли что-то скрыть от супруги Ладона? Железная женщина! Не зря ее руки столько лет добивался Лефлог.

Кивнул выразительно на телефон.

– У меня... пропала знакомая, – да почему же он так вяло мямлил?

– Просто знакомая? – очень лукаво спросила.

Он удивился.

– Там девочка у нее, маленькая. Они обе совершенно беспомощные. И кошки линиялые душу скребут, Яги меня подери.

Выслушала очень внимательно. Призадумалась.

– Кто из наших еще ее знает?

Вот что значит хирург. Сразу все четко и по делу. Клиническая картина, диагностика, стол в хирургии, реанимация и “Он будет жить”.

– Ну так, твой же. Гвидон с Элькой. Новый Год у них вместе встречали.

– Элис? – Марго, зачем-то смотревшая на стеллажи с документами, развернулась, поймав его взгляд. Изучающий такой, профессиональный. Явно ведя диагностику. – Зная свою дочь... я бы на твоём месте с ней связалась. Чтобы она ушла с места событий, не обзаведясь связями?

– Связь не работает, если вы не слышали, – насутился Эндрис.

– Женские связи – явление совершенно другого порядка. Звони давай, она как раз где-то тут сегодня.

Женщина соскользнула хищным и плавным движением со стола, потянулась.

– Кстати! Если так все печально у тебя с выбором смены, давай я тут подежурю пока?

Он поперхнулся. Нет, предложение было не просто невысказано лестным, но и вполне даже резонным: в царстве самой Маргариты Викторовны Лефлог всегда царил образцовый порядок. Безупречный. И в делах мужа она разбиралась практически так же легко, и взаимодействовать с ней всегда было одно удовольствие. Но зачем ей эта работа? Уж ей точно есть чем заняться.

Словно прочтя эти сомнения на выразительном лице Эндриса, Маргарита снова ему улыбнулась. Тепло и красиво.

– Считаю, что я категорически отказываюсь видеть рядом с супругом какую-то... Геллу, например. Как тебе такая версия?

Сильвер поморщился. Напоминание о его когда-то внезапно исчезнувшей любовнице неприятно царапнуло. Прошло уже много лет, а все также противно.

Именно с тех самых пор он тщательно соблюдал меры предосторожности: с женщинами накоротке не сходил, умных вообще избегал, красивые вызвали изжогу. Строго короткие связи без обязательств и тапочек у двери. Гигиенично, практично и необременительно.

Наблюдавшая за его терзаниями Маргарита печально покачала головой.

– Так и не выздоровел, – прошептала, вздохнув.

Плавной походкой подошла к двери и, уже нажав ручку, снова к нему обернулась.

– Все, решено. Я поставлю в известность супруга, тем более, – снова загадочно улыбнулась, – у меня есть еще причины засесть у него тут, в приемной. А ты лови Элис, в конце концов, она вполне неплохой оперативник. И очки поменяй. Или... – снова головой покачала.

И вышла.

Эндрис схватился за голову. Где-то в глубине души он надеялся, что замена ему не найдется, и проклятую эту командировку отменят. Почему все в него так вцепились? Годами сидел себе в кресле приемной Лефлога, тихонько писал научные статьи, публиковался, работал...

А теперь его вдруг решили выдернуть из комфортного мира и забросить в Авгиевы конюшни.

Именно так выглядел последний отчет с его перспективного места работы. Кошмар, ужас и полное безобразие.

В дверь приемной уверенно постучали.

Он даже рта открыть не успел, как всунулась белокурая голова, а за ней и вся Элька.

– Мама выловила меня и велела явиться в приемную. Быстрее давай, я тут пролетом.

И водрузила свою пятую точку строго на то же место его письменного стола, откуда буквально минуты назад сошла ее мать. Ну просто подмости женщин семьи ректора, а не столешница!

Нда, Маргарита уже приступила к исполнению его функций, похоже. “Дал задание, в качественном исполнении которого сомневаешься? Продублируй”. Его, кажется, продублировали. Сопротивление бесполезно.

Изложил, почему-то стесняясь, свою проблему. Старался не выглядеть глупо. Не получалось.

Вот не зря так не любит он женщин красивых и умных. От них одни только неприятности.

Элис слушала очень внимательно, даже сочувственно. Хотя слушать особенно было и нечего.

– Я уверена: твоя интуиция не ошибается. Мы всегда чутко чувствуем неприятности. Это семейное, если хочешь. И должна тебе сразу сказать: повод есть.

Эндрис резко откинулся на спинку кресла.

– Выкладывай, дорогуша. Копала? – знал он семейку свою любопытную.

Не могли они не навести справок о Соне. Когда такое бывало, чтобы Эндрис срывался в новогоднюю ночь и мчался куда-то с лотками полными его фирменных яств и подарков? Повод нешуточный.

Да и сам он так сделал в первую же их встречу. Справки навел рефлекторно, давно уже Эндрис отвык доверять хоть кому-то.

Ничего интересного: обыкновенная женщина. Никаких порочащих связей, даже рядом не бегал никто подозрительный. Чисто, скучно и безопасно. То, что надо. То есть – не нужно совсем ему все это.

– Копала, – сразу призналась и почему-то нахмурилась. – Как раз бегаю с утра по департаментам с этим вопросом.

– Что?! – он не мог так ошибиться, не мог!

– Ш-ш-ш! Дядюшка! – Элька усмехнулась ехидно. – Что ты так нервничаешь? Там на супруга ее, уже бывшего, развернутое покушение, да еще с попыткой провести черный любовный ритуал. Как бы Соню с малышкой у нас рикошетом и не задело...

– Ведьма? – сразу же догадался блондин.

– Дура набитая, – Элис, как обычно, была категорична. – Умудриться напаялить метку безбрачия в обмен на нелегализованную инициацию, а поверх попытаться потом криминально мужика увести. Вот ее и бомбануло. В Инквизиции стекла звенели от этого безобразия.

– Где эта умалишенная? – Сильвер тут же поднялся.

– Ты про рыжую что ли свою? – блондинка лукаво стрельнула глазами.

Рыжая... Да. Действительно: цвет волос Сониных можно было и так называть. И цвет кожи молочный, бледный, характерный для рыжих. Она не была яркой, скорее уж нежной, мягкой, совсем как выгоревшая под северным солнцем ранняя осень. Акварельная.

Эндрис встряхнул головой, отгоняя навязчивый образ, ярко вставший перед глазами.

– Я про ведьму! – фыркнул сердито под насмешливым взглядом “племянницы”.

– Бывший муж Сони в больнице, выкарабкается, конечно, но, скорее всего, амнезия там вырисовывается. Может, и к лучшему. Ведьма выгорела дотла, но в сознании и предстанет перед трибуналом. Получит по полной. А вот девочки... Боюсь, что тут у нас будут сюрпризы.

– Да говори, Эль, ну что ты тянешь, времени у нас мало! – Сильвер снова схватился за голову, сорвал очки и мучительно начал их вытирать.

– Был проведен еще один ритуал. Запрещенный, конечно. Обвиняемая молчит, а это значит, что очень-очень строго и серьезно запрещенный.

– Их... убили? – голос его не просто дрогнул, его больше не было.

– Нет. Невозможно. Я... сделала тоже кое-что запрещенное. Но ты же меня точно не выдашь? – и хлопнула глазками так, невинно.

– Это сговор? – прошептал.

– Угу. Дело семейное, – девушка забрала многострадальные эти очки из рук Эндриса вместе с салфеткой, осмотрела их и ухмыльнулась.

– Я Лесе подарила наш семейный артефакт. Оберег, мама когда-то надела мне его, в академию отправляя. Очень помог мне однажды. Ты помнишь.

Помнил. Тот тоненький браслетик, да еще в руках маленького ребенка, надежды было немного. Эндрис тяжело вздохнул.

– Эй! Давай сделаем так: я все равно занимаюсь теперь этим делом, новости оперативно сообщать не обещаю, сам понимаешь, – он молча кивнул. – Но приложу все усилия. Тебе все равно уезжать, нас не спрашивают о назначениях. Инквизиция – дело такое...

Да уж.

– Спасибо, малышка. Прости, что вас в это втянул.

Вернула очки. Улыбнулась тоже в точности, как ее мать. Куда менее элегантно со стола соскочила, на нос Сильверу натянула очки и была такова.

А он в кабинете остался. На руинах сомнений своих, мыслей и... чувств.

1

2

. Эдем

– Мапочка! Мама! Не вздумай тут помирать! Пульс бьется, стеклышко запотело, не приворайся, открывай глазки скорее!

Если бы не отчаяние, почти уже слезы в голосе Леси, Соня и не подумала бы пошевелиться. Голова у нее просто раскалывалась. Мигрень ее все же настигла. Проклятая кукла! В ней что, была бомба? Неужели Екатерина до такой степени отчаялась? Или просто свихнулась?

Ох! Соня открыла глаза и зажмурилась. Мама дорогая, неужели ее жизнь закончилась вот так нелепо и скоротечно? За что?

Она все же умерла? И попала, видимо, в рай, ибо ничем другим это место быть не могло. Шелковистая изумрудная травка, бесконечное голубое небо, огромные и явно очень старые деревья, буйно цветущие кусты чего-то похожего на розы. Ботаника никогда не входила в сферу Сониных интересов, и она никак не могла вспомнить, что могло цвести вот так – ярко-алыми крупными цветами.

Перевела взгляд на бледную Лесю: та сидела на корточках рядом с непутевой матерью, испуганно моргала и держала в руках зеркальце. Странно так: почему они вместе? И где остальные обитатели Эдемского сада? И вообще, ладно, Леся, все дети чисты и невинны, но Соня – и в рай? С ее-то ленью и разгильдяйством?

Ой, а вон и... Нет, ну даже не слишком религиозная Соня догадывалась, что ангелы не могут быть голыми! В одной лишь набедренной повязке из широких листьев.

Заметившая двух незнакомцев Леся, наконец, повела себя как обычный ребенок: взвизгнула и спряталась в материнских руках, уткнувшись носом куда-то в Сонину подмышку. Даже глаза, кажется, закрыла.

Мужчина (в половой принадлежности обитателя Эдема сомнений не было) медленно и осторожно приблизился к незванным гостям, совершенно банально и приземленно почесал свой нос и голосом неожиданно сиплым спросил:

– Здрасьте. Вы новенькая из персонала? Или просто так тут гуляете? Не заблудились ли часом у нас?

– У нас – это где? – рискнула уточнить осторожная Соня.

– В парке-дендрарии ВСЕБЕСИМа?

– Ну да, есть в этом что-то... Я... заблудилась, наверное. А вы собственно, кто?

– Дриады, разумеется, а кого вы еще могли встретить в квадрате 2-Дельта? У нас тут научная практика на шесть местных месяцев и наших двенадцать. Или пять по вселенскому времени.

– А?

– Студенты мы, девушка.

Соня зажмурилась и ущипнула себя за руку. Чушь какая-то! Дриады? Студенты? В райском саду с красноречивым названием? Она точно в своем уме? Может быть, ее так сильно приложило головой, что теперь у нее галлюцинации?

Поплотней дочку прижала, та всхлипнула очень даже естественно.

– А почему студенты и голые? – тупо спросила она, вызвав залиvistый смех незнакомцев.

– Мы не голые, мы в фартунгах! – возмущенно ответил ей тот, что стоял в стороне и наблюдал. Будто про смокинги говорил. – Это же нормально, мы дендроморфы. А вот вы кто такая, если не знаете таких элементарных вещей? Покажите, пожалуйста, ваш личный лист прохождения.

Какой, однако, забористый у Сони бред!

– Уважаемые галлюцинации, – начала она. – Я не совсем понимаю, что происходит, но, наверное, скоро придет врач и сделает мне нужный укол. Потерпите немного.

Да. У нее бред, конечно же. Недаром ей привиделись эти роскошные, практически обнаженные мужики с идеальными рельефными телами. Все, как она любила: высокие, очень смуглые, длинноногие, стройные, почти худощавые, с отлично прорисованными мышцами, широкими плечами, крепкими руками и выпуклыми, аппетитными ягодницами. “Фартунги” прикрывали лишь самые стратегически важные их места, остальное же было матово-гладким, золотистым и без единого волоска. А что волосы, собранные в целую связку ажурных косичек, у них были зеленые – так чего ожидать от тех глюков? Злорадно подумала, что уж за галлюцинации Борис не сможет ее ругать, он их не увидит.

– Гул, вызови теплокровным посильную помощь. Они дезориентированы, излучают эмоции страха, начнут выделять еще лишнюю влагу и температуру повысят на грунте! Все наблюдения вжигам под левый хвост!

– Погодите! – Леся отмерла и высунула нос из-под материнской футболки. – Вы и вправду они... дендроморфы? Клянусь, если расскажете, влагу лишнюю не выделять.

Вот. И ребенок свихнулся. Не зря Соне так кукла не понравилась. Теперь их посадят в психушку, привяжут к кроватям и будут уколы колоть. Она видела в фильмах ужасов.

Зеленоволосый поморщился. Оглянулся на остальных.

– Гул, ты еще здесь почему-то?

Самый высокий вздохнул, развернулся и размашистым шагом ушел восвояси.

– Дендроморфы – это разумные существа, по достижению определенного возраста зрелости сознания останавливающие свой путь, прорастая корнями в тело родной планеты. С каждым веком, за этим последующим, мы все более теряем антропогенные свои черты и все больше становимся дендрами. Можем веками стоять, шелестя листьями, и рассуждать о вселенской истории и смысле жизни. Послушай, маленькая стробилла...

– Кто? – пискнула Соня, с ужасом это выслушивавшая.

– А! Мам, не пугайся, он назвал меня женским побегом. Девочкой, если по-нашему.

– Эммм... – горло у Сони вообще пересохло, – Дочь, а давно ты у нас понимаешь этих... денр, деднр...

– Так в книге, что Андрис мне подарил, все это было! – и Леся подпрыгнула, судорожно оглядываясь. Увидев свой маленький рюкзачок, лежавший у ног одного из пришельцев, быстро его подхватила и к матери отползла.

Ее последняя фраза произвела на зеленоволосых странное впечатление. Они переглянулись и расступились. Только один, тот самый, что Соню пугал, снова поморщился, отвернувшись.

Неприятный какой этот тип. Хотя... “Посильная помощь” звучало вполне успокаивающе.

Прибыла она, эта помощь, довольно стремительно. И надежд никаких не внушала.

Странный дуэт медленно полз по газону, все больше убеждая Соню в нереальности всего происходящего. Во-первых, пони был совсем маленьким, едва ли больше собаки. Во-вторых, он был запряжен в сани, и ехали они, конечно, по зеленой травке. А в-третьих, правил всей этой конструкцией кот. Рыжий, огромный, упитанный. Весьма пушистый.

Соня не любила Чуковского, да и Леся его на дух не переносила, но эта фантазмагория очень напоминала не то книжку “Ехали медведи на велосипеде”, не то “А лисички взяли спички”. А может быть, и целое Зазеркалье.

Тогда Соня будет Алисой, упавшей в нору белого кролика, причем на всю голову сразу упавшей.

Лошадка тоже была, кстати, рыжей. Или некстати. А кот, спрыгнувший с этой странно ползущей конструкции, отдал честь передней лапой и заговорил.

И почему Соня не удивилась? Наверное, потому что болтал он на совершенно понятном ей языке (как, кстати и парни-студенты), а этого быть не могло, даже и в Зазеркалье. Можно просто расслабиться и получать удовольствие от увиденного.

– Угораздило же меня тут дежурить сегодня... – пробормотал рыжий кот, обходя кругом свою новую неприятность. Он вообще относился ко всем новостям, как к неприятностям, это было видно по морде.

– Кис-кис-кис! – тихо пискнула Леся, тут же прячась за спину матери.

Кот возмутился. Расправил усы и назидательно произнес:

– Я вам не это вот все, между прочим. Я Дваринг Леонид Глебович, старший научный сотрудник, териантроп, фамилльяр, инквизитор. Меня вырвали прямо из лаборатории! Безобразия. Вы кто такие вообще?

– Будет вам, Леонид, – нехорошо прищурился один из зеленоволосых. – Так и скажите: гнушей там ловили от скуки, я видел.

Кот зыркнул на наглеца так свирепо, что вздрогнула даже Соня. Зато сразу стало понятно: хвостатый не врал. Если инквизиция на полях ее бреда и существует, то он, без сомнения, Инквизитор.

– Кто такой териантроп? – осторожно спросила девушка у Леси.

– Понятия не имею, – так же тихо ответила дочь.

Странно. Согласно женской логике, в галлюцинациях могут быть вещи странные и изощренные. А еще красивые, обнаженные или пушистые. Но чтобы там возникали неведомые существа и назывались незнакомыми совершенно словами? Здорово все же ее приложило...

– Научное название оборотней, – смотрел кот на испуганных девочек как... кот. С видом явного превосходства мохнатой братии над кожаными мешками. – Вы откуда взялись на мою голову такие непросвещенные? Отстали от экскурсии? Но в этот квадрат их не водят. Ау! Вы меня вообще слышите?

Да слышат они, слышат. Соня сосредоточенно рассматривала ссадину на голом колене и думала напряженно: как бы очнуться? Стукнуть себя по-другому? Головой снова шархнуться? Уж больно правдоподобно все выглядело, и это не на шутку начинало ее пугать.

Еще и ребенок! Леся обычно бесстрашная сидела притихшая, будто мышка, и прятала нос в ладошках. Коллективные галлюцинации? Нет, так не бывает!

– Я так и не поняла, где мы и как сюда обе попали.

– Вы? На Эдеме, конечно. Погодите! Что значит “не знаете, как попали?” – кот натурально схватился за голову. – Вы понимаете, что сказали? Это же...

– бросил взгляд на зеленоволосых студентов, распустил яростно хвост.

– Я вообще мало что понимаю, – пискнула Соня в ответ. – И не кричите на нас!

– Брысь! – рывкнул кот, и они с Лесей синхронно попытались от него отползти. – Сидеть! – это точно уже адресовано было именно им.

К величайшему удивлению Сони, огромные и мускулистые эти... дендр... дендр... голые мужики одновременно развернулись и резво рванули в разные стороны. Как малые дети, застуканные за подглядыванием в женских банях.

Она же смогла лишь поглубже втянуть голову в плечи.

– Так! – снова звучно рывкнул кот. – С вами мы будем разбираться отдельно, предметно, подробно и в другом месте. Садитесь!

Обе “попаданки” с сомнением посмотрели на предлагаемый транспорт. Не очень надежно он выглядел, если честно. Совсем даже наоборот.

– А в... Эдеме не найдется чего-нибудь... – Соня тщательно подбирала слова. А то, кто его знает, что это за оборотень, и почему его зеленоголовые мужики так испугались. – Ну... с колесиками?

Кот снова пыхнул свирепо. Нервный какой-то.

– Это полозья магического скольжения. При соприкосновении их с поверхностями сила трения не работает. Ясно?

– Не развалятся? – быстро спросила Леся, пока кот вообще разговаривать не передумал.

– Скорее мы с вами развалимся. Живо!

В отличие от кота, лошадка была островом полного умиротворения и спокойствия. Жевала свою тихо жвачку, прикрыв глаза, и только ушами чуть-чуть шевелила.

– Мне жалко лошадку! – у Леси вдруг прорезался голос. – Ей тяжело! Мама поправилась после развода на три килограмма, и я еще выросла! Хоть с утра и голодная.

Кот ехидно воззрился на Соню. Да уж! С детьми в разведку не ходят даже самоубийцы.

– Это не просто лошадка. Это водный пегас. Ну... почти. В нем есть кровь гиппокампов и пегаса. Короче, Мегерушка наша – родовитая очень бездарность. Не летает, не плавает, но силу имеет огромную, почти паровоз. И характер хороший, что особенно ценно, да, моя золотая?

“Мегерушка” хитро на кота покосилась и тихо хрюкнула в ответ.

Кот же вдруг подошел к Лесе, потерялся ласково об нее, едва не опрокинув, и томно вздохнул.

– Маленькая хитрюшка! Ты это прекращай, поняла?

Леся молча кивнула и отважно влезла в тележку. Соня дернулась было остановить ее, а потом вдруг подумала, что во сне можно все. Или в бреду, в бессознанке, коме, что там по списку еще с ними может случиться? После зеленоволосых аполлонов, болтливых свирепых котов и бездарных пегасов терять ей больше нечего. Улыбнулась и смело запрыгнула в маленькую тележку. Примостилась на скамейке, подтягивая колени. Вроде бы, поместились, уже прекрасно.

– Ой! – закричала вдруг Леся, выпрыгивая из “санок”. – Там мой браслетик!

И как только она его в траве разглядела? Тоненькая серебряная нить с подвеской-драконом была тщательно осмотрена, признана целой и невредимой и спрятана в рюкзачок. С маленькой детской ручки он сваливался.

Кот даже не оглянулся.

– Теперь можно ехать? – проворчал он.

– Трогай, – хмыкнула Соня.

14. Ихтиозавр

Эндрис был консерватором. Самым ультра-супер-сверх-консерватором из возможных. Практически ихтиозавр.

И то, что с ним сейчас делали, было жестоко. Практически страшная пытка: Сильвера-Серебрякова вытаскивали на тот свет.

Перед растерянным Андром лежали последние отчеты о развитии и работе проекта, задуманного когда-то кем-то гениальным. И разворованного ничуть не менее гениально. Разрушенного и низвергнутого просто талантливо. Пятьдесят шесть фактов коррупции и всяческих умышленных злоупотреблений. Служебные преступления, контрафакты, контрабанда.оборот наркотических веществ, запрещенное биогенное оружие, торговля анафродизиаками¹ и афродизиаками. Стимуляторы, блокираторы, психостимуляторы, антидепрессанты, ряд психотропных веществ.

Прочтя это, каждый трезвомыслящий человек мог представить себе что угодно: мафию, полуразрушенные города времен всемирной депрессии, войны, разруху, преступные картели. Уличные перестрелки, на худой конец – дикий запад или не менее дикий восток времен опиумных войн.

Но речь в отчете велась о ботаниках! Ботанический сад, драные яги и акуну им в задницу.

Банальный ботанический сад! Всех мордой да об колючий забор и за хвост протащить там три раза вдоль самой вонючей канавы.

Ну...

Не такой уж банальный, допустим. Сюда приносились из разных миров разного рода биологические редкости, обязательно обладающие уникальными магическими свойствами.

Идея была очень благая. А как известно, благими намерениями вымощена дорога во вселенскую Тьму.

Очень скоро особенно одаренные сотрудники поняли выгоду. И спустя недолгое время сад расцвел буйным цветом преступности под самым носом у законопослушных миров.

Протоколы расследования пугали даже выдавшего вида Сильвера. Одно лишь только радовало: уже пару лет как расследование было закрыто, все виновные арестованы, усердно и публично наказаны, и Сад опустел.

Остались лишь самые верные делу сотрудники, многократно проверенные да набранные среди своих.

И растения. Те самые редкости, совершенно никак не повинные в своих свойствах, преступных и зачастую смертельно-опасных. Настоящая его страсть.

Если бы не они, Эндрис уже точно подал бы рапорт об увольнении.

Он никакой не герой, вот совершенно.

– Бедствуешь? – голос Ладона раздался прямо над головой. Зарывшись в бумаги, Эндрис совершенно его не заметил.

– Страдаю. Кофе? – он вспомнил вдруг, что все еще исполняет обязанности секретаря.

– Прекрати, – Ладон поморщился, присаживаясь на край стола.

Да чем их так притягивал этот стол? Рядом удобные кресла для посетителей, но нет же: все семейство Лефлоггов упорно мостит свои задницы на безупречную мраморную столешницу.

Андр тяжело вздохнул, провожая глазами тяжелую папку, прихваченную Ладонем.

– Как вообще туда попала Инквизиция?

Этот принципиальный вопрос мучал Сильвера все это время.

¹ Анафродизиак (также антафродизиак или антифродизиак) – это вещество, которое подавляет или притупляет либидо. Анафродизиак является противоположностью афродизиака, вещества, повышающего сексуальный аппетит.

Другой мир – это не соседняя улица, не другой регион и даже не континент, между прочим. Это у ягов дурных на рогах, без общепринятой связи, да там даже сутки другие! Маму вашу под хвост и с особой жестокостью!

– Совершенно случайно. Оперативников наших угораздило все это раскрыть.

– А давайте закроем обратно! – мысль эта Сильверу очень понравилась. Он даже руку к папке заветной протянул, наткнувшись на ироничный начальственный взгляд.

– Трусишка очкастый, – тихонечко прошептал ехидный начальник.

Лицо Эндриса вытянулось. Он не такой!

– Я совсем не оперативник, – грустно вздохнул тот, кого обозвали очкастым трусишкой. Несправедливо вообще, между прочим.

– Ну послушай! – Ладон стал вдруг серьезен и папку на стол положил. – Это дело совсем не так просто поручили тебе. И мне. Нам.

Звучало вполне обнадеживающе. Не Сильвера одного забрасывали как агента на вражескую территорию, а под начальственной дланью влиятельного практически родственника.

– Я не вижу причины, – из последних сил он сопротивлялся.

– А она есть. Даже несколько, много, – Ладон тяжело вздохнул, посмотрев на помпезные настенные часы с наглой кукушкой.

– Лекцию о важности межмировых связей в магической Вселенной можно мне не читать. И о роли Инквизиции там можно тоже... эту часть пропустим.

Ладон усмехнулся. По крайней мере, Серебряков представляет себе масштабы ответственности.

– По общим законам именно представителям мира, решившего эту проблему, теперь это все и принадлежит. Наша колония, так сказать. Наши законы, наша ответственность и... наши доходы.

– Оружие, наркотики, проституция? – почти с надеждой спросил уже-не-секретарь.

Потому что если ответ положительный, то зачем там нужны ботаники? Толпа темных отлично подходит. И никаких командировок. Ведь правда же?

Выражение породистого лица ректора магической академии не предвещало хорошего в жизни Сильвера.

– Нет. Научная работа, исследования, конференции, медицинская магия, охрана редких и исчезающих видов растений, уникальные биосистемы, студенты и библиотека. Ты счастлив?

О да... особенно в свете отчетов о прошлом этого рая растений.

Сильвер лишь молча закатил глаза.

– Невероятно. Чем еще вы спешите меня осчастливить?

– О! Решился? Ну и молодец. У меня еще планы учебных экскурсий, научных экспедиций, и я понятия не имею, как мы все это сделаем.

– Как обычно, – Эндрис скорее смирился. И молодцом себя совершенно не ощущал.

– Сильвер, ну что ты сопишь опять? Где мы найдем еще инквизитора с такими, как у тебя, организаторскими способностями, да еще и ботаника? Их больше в природе не существует, поверь, ты уникален!

Они оба знали о маленькой семейной тайне: слабостью к лестии были наказаны все представители этого рода. Осознавали, но подделать с собой ничего не могли. Особенно, если все сказанное – чистая правда.

– Я знаю, – невозможно было не согласиться.

– Вот примерный список запросов тамошней биостанции, – оживившийся сразу Ладон стал вытаскивать из-под полы подозрительного вида свитки. – Вот библиотека, лаборатории тоже по списку, таблица всех модулей сада, описание искусственных биосистем, вот...

– Погодите. А... площадь какая у этого... с позволения сказать, Сада?

– Площадь всех островов этой системы один миллион двести семьдесят тысяч квадратных километров.

Сильвер медленно и очень уверенно сполз под стол.

Вдогонку ему раздалось очень веселое:

– Сам Сад значительно меньше! Триста тысяч километров вместе с парками, дендрариями, оранжереями и биосистемами. Всего-то! Чуть больше, чем Новая Зеландия, но зато много меньше Гвинеи. Ну же, Сильвер! Там вокруг океан и лучшая во вселенной система защиты от нападений.

– Убейте меня лучше тут, – прохрипел тихо Эндрис.

– Оборудование закупать еще. Там практически запрещена электроника и ограничена вся механика. Тонкие слишком материи. Так что... крепись. У тебя двое суток до выхода в главный портал. Порталист наш... ну ты его знаешь?

“Дать, что ли, взятку Бессмертному?” – прошуршала трусливая мысль тихой змейкой. Посмотрела в глаза Сильвера с укоризной и уползла восвояси.

Эндрис громко сглотнул. С ненавистью взглянул на начальство. Забрал эти чертовы свитки и вышел.

Ладон ему вслед покачал головой.

– Ты был великолепен! – прошептал женский голос, обладательница которого предпочла оставаться незримой.

– Был? Я всегда совершенно такой, неизменно. Пора бы усвоить.

– Пф. Есть свидетели абсолютно обратного.

Тихий смех совсем рядом, и Ладон улыбнулся.

– Кто же, кто этот вун и, конечно же, негодяй?

Попытался поймать рукой невидимку, промахнулся.

– Я! Но я никому этого не расскажу, не волнуйся, красавец-мужчина.

Он прислушался, закрыл глаза и на этот раз сразу поймал ее, точным движением привлекая и тут же целуя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.